

ПЕРЕКРЕСТОК ТРЕХ ДОРОГ

по следам
громких дел

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Татьяна Юрьевна Степанова

Перекресток трех дорог

Серия «По следам громких дел»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65924781

Перекресток трех дорог / Татьяна Степанова: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-156598-5

Аннотация

Может ли жертва стать убийцей?!

Более загадочного дела в своей профессиональной практике они еще не встречали – серия странных, обставленных с устрашающей и нарочитой жестокостью убийств...

Каждый раз новую жертву находят на перекрестке трех дорог – как известно, месте сакральном и мистическом...

Однако неопровержимые улики доказывают, что убийцы – это разные люди...

Но серийные маньяки – всегда одиночки!

Шефу криминальной полиции области полковнику Гущину и его напарникам Клавдию Мамонтову и Макару Псалтырникову предстоит разгадать эту детективно-мистическую головоломку. И ответить на самый неоднозначный и парадоксальный вопрос – может ли жертва стать убийцей?!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	53
Глава 7	64
Глава 8	74
Глава 9	79
Глава 10	95
Глава 11	103
Глава 12	116
Глава 13	125
Глава 14	135
Глава 15	140
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Татьяна Степанова

Перекресток трех дорог

*Смеялся месяц... И от соблазна
Сокрыл за тучи острый рог.
Дрались... А мудрость лежала праздно
На перекрестке трех дорог.*

Зинаида Гиппиус. Мудрость

по следам

громких дел

Татьяна Степанова – подполковник полиции, потомственный следователь с престижным юридическим образованием, поэтому в ее книгах следствие ведут профессионалы.

Из-под пера автора вышло 40 романов, проданных суммарным тиражом более 8 миллионов экземпляров.

Права на издание детективов Татьяны Степановой проданы в Германию и Польшу.

По книгам «Готическая коллекция» и «Темный ин-

стинкт» сняты телевизионные фильмы.

Главную роль в последнем исполнила Любовь Казарновская. Романы писательницы позволяют читателю побывать в литературной «комнате страха».

Таинственные убийства, почти осязаемая атмосфера преступления, томительное и тревожное ожидание чего-то неведомого, пугающего...

© Степанова Т.Ю., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Щенки

Под железным потолком горела тусклая лампочка без абажура. В гараже пахло бензином и рвотой.

Полный рыхлый мужчина, давно разменявший пятый десяток, сидел в круге света от тусклой лампы. Его крепко-накрепко привязали к стулу, замотав руки и ноги скотчем.

Он находился в гараже – он это понял, когда с трудом открыл глаза, очнувшись от долгого обморока, вызванного ударом по голове сзади. Собственно сам момент удара он не помнил. Память сохранила лишь смутную картинку, как он подрулил к своему загородному дому и нажал на пульт ворот гаража. Но пульт отчего-то не сработал, и ему пришлось выйти из машины, чтобы открыть гараж вручную. Это последнее, что запечатлелось в его памяти – темнота летнего вечера, пряного и прекрасного после Великого Карантина, и свет фонаря.

Дальше – просто тьма.

И вот – сумрак, лампочка под железным потолком. Гараж. Не его гараж. Он понял это сразу, как только огляделся, поворачивая голову, пульсирующую тупой болью.

– Я прошу у тебя прощения.

Голос хриплый, до крайности взволнованный. Почти ис-

терический голос – мужской. Но в нем какие-то бабьи нервные ноты.

– Я умоляю тебя простить меня.

Примотанный скотчем к стулу мужчина не видел говорящего – тот стоял позади. Обхватил его за горло, насильно запрокидывая голову назад, рванул так, что чуть шею не сломал. И когда привязанный к стулу заорал от неожиданности, боли и страха, засунул ему в рот, чуть ли не в самое горло, пластиковую бутылку, наполненную водкой.

Может, и еще чем-то, кроме водки.

Привязанный к стулу едва не захлебнулся, забился, пытаюсь повернуть голову и вытолкнуть изо рта горлышко бутылки. Его мучитель вроде как отпустил его. Но в следующую секунду пальцами зажал ему плотно нос, заставляя снова открыть рот широко, и водка лилась, обжигая гортань и пищевод.

Привязанного к стулу вырвало.

Но это помогло мало. Достаточное количество алкоголя попало ему в желудок. И он уже чувствовал, что пьян. Было и еще что-то не так с этой водкой... Кроме жара опьянения он ощущал пугающую скованность во всем теле. Перед глазами все плыло.

Какие странные звуки...

Кто-то скулит...

Словно жалобный плач...

Или это галлюцинация? Морок?

– Я прошу у тебя прощения, – снова повторил хриплый голос у него за спиной. – И ты должен, обязан меня простить.

Говоривший сделал шаг и вышел из тени. Обошел стул с привязанным к нему мужчиной и встал перед ним.

Он больше не скрывался.

Он позволил себя увидеть.

И это наполнило сердце привязанного леденящим страхом.

Хотя в облике его мучителя, его похитителя не было ничего inferнального, ужасного.

На первый взгляд – заурядный человек.

Самый обычный мужчина.

– Прости меня.

Он смотрел на свою жертву – прямо в глаза и произносил это нервно, но так искренне, так страстно, что... его жертва просто не могла не прислушаться к этому тону, к умоляющей интонации.

И взгляд...

– Ну, хочешь, на колени перед тобой встану?

Мучитель медленно и грузно опустился на колени перед привязанным к стулу. Перед напуганной, обреченной на муки и смерть жертвой.

– Вот, видишь? Я на коленях перед тобой. И умоляю о прощении. Думаешь, мне легко сейчас?

Пауза. Только хриплое прерывистое дыхание привязанного к стулу.

– По-твоему, я сумасшедший?! Отвечай!

– Я... я не знаю... нет... Что вам от меня надо?!!

– Мне от тебя надо все. – Мучитель смотрел на него почти жалобно. – И я бы никогда этого не сделал. Все это так дико... Я и сам это признаю. Дико... жутко... глупо... так глупо... Но я ничего не могу сделать, понимаешь? Я должен! Я обязан. Она так сказала...

– Кто она?

– Она... она не простит, если я отступлю сейчас или пойду на попятный. Она так сказала мне – либо ты... либо они. Ну конечно же они... конечно вы... ты... Не я же.

Привязанный к стулу смотрел на него. Он не понимал этого бреда. Все казалось ему страшным сном, кошмаром... Только вот...

В кошмарах не воняет собственной рвотой, испачкавшей дорогую рубашку, запятнавшей стильный галстук.

И эти звуки...

Скулеж... плач...

– Прости меня, мой друг, – сказал мучитель, который не был ему другом.

Он поднялся с колен. Достал из кармана куртки мобильный. Включил камеру на съемку. И поставил мобильный на полку гаража, чтобы у камеры был самый лучший ракурс.

Затем направился вглубь пустого просторного гаража – во мрак. И через минуту появился в круге света с плетеной корзинкой.

В корзинке – щенки. Маленькие, еще слепые. Два черных щенка, отнятых у приبلудной прикормленной дворняжки, которую пришлось отравить крысиным ядом, потому что она – мать к своим новорожденным деткам никого не подпускала.

Привязанный к стулу видел, как его похититель достал обоих щенков из корзинки. Они скулили, пищали, сучили крохотными лапками, когда он держал их на весу, словно любуясь ими и показывая их своей жертве.

А потом он крепко, очень крепко начал сжимать кулаки, смыкая пальцы на шеях обоих щенков.

Они пищали, скулили, плакали...

А он медленно душил их на глазах своей потрясенной жертвы.

Когда щенки затихли, он аккуратно положил их снова в корзинку.

– Вот так. А тебе любопытно было на это смотреть? – спросил он тихо свою жертву.

– Ублюдок... садист... сссволочь! – Привязанный к стулу на миг позабыл даже собственный страх. – Что ж ты творишь?!

– Это только начало. Первый шаг. – Его мучитель грустно поник головой. – Она говорит – чем больше мучений, слез, страданий, боли – тем лучше. Тем крепче. Надежнее. Понимаешь – надежнее! А это самое главное.

Он зашел за спину привязанного. И что-то звякнуло. Ка-

кие-то металлические предметы. Они лежали на верстаке. Но мужчина не видел, что там такое лежит. Однако одно осознание... что там что-то есть... *нечто острое*... парализовало его тело. Или ощущение паралича было вызвано чем-то иным?

Его похититель снова встал перед ним – с большим садовым секатором в руках. Он смотрел на свою жертву не мигая. А потом поднес секатор к его груди и...

Щелк!

Мощное лезвие щелкнуло и разрезало скотч, путы, которыми мужчину прикрутили к стулу.

Щелк!

Обрезки скотча упали на бетонный пол.

А следом на пол грузно свалился со своего стула и тот, кто был к нему примотан, а теперь вроде как свободен.

Свободен?

Он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Тело не повиновалось ему, хотя он ощущал его и чувствовал жжение от ссадин. И боль в затылке. Ощущал, как холодит ему бок бетонный пол.

Но он не мог пошевелиться. Не мог поднять руку. Не мог согнуть ногу. Он словно погружался в сон.

Внезапно сонный морок пропал, хотя оцепенение по-прежнему сковывало все его тело.

Сердце пронзил ледяной ужас.

Он увидел то, что взял с верстака его мучитель, отложив

секатор.

Теперь в его руке был топор – тяжелый, остро наточенный топор дровосека.

– Ну, прости меня, мой друг. Мой бесценный прекрасный друг, – признал мучитель, ногой осторожно, почти бережно поворачивая его на спину. – Клянусь, не было, нет и не будет в жизни кого-то ближе, драгоценнее и дороже тебя для меня. Она правду мне сказала: когда сделаешь все это сам, своими руками – только тогда поймешь, что это значит. Что это такое. И как это важно. Велико. Как это *хорошо*...

Схватив топор обеими руками, он суетливо и неумело вскинул его высоко над головой и, выдохнув хрипло, рубанул...

Его жертва уже не кричала, а выла, пытаясь хоть как-то пошевелиться, повернуться, укрыться, уползти...

Глава 2

Похищение

Слава Крутов на мотоцикле добрался до дома своей покойной бабки в Отрадном только в девять вечера. На федеральном шоссе произошла авария, и он проторчал в пробке почти полтора часа. Мотоцикл не выручил – он прошмыгнул на нем среди машин до самого места аварии, но дальше проезд закрыла полиция, перегородив шоссе своими авто с мигалками. А на обочину как назло на этом участке съехать было невозможно из-за бетонных ограждений. Пришлось ждать и терпеть.

Ну что ж, он честно вытерпел целый нескончаемый карантин. Апрель, май, почти весь июнь...

Его терпение закончилось 15 июня. Оно лопнуло не только у него, но и у всех его друзей, у пацанов и девиц, с которыми он весь долгий карантин общался лишь на какой-то дрянной страничке ВКонтакте, где все шпыняли друг друга и срывали злость из-за взвинченных принудительной изоляцией нервов, хотя и считались как бы «друзьями». А потом кто-то кликнул клич – баста! Так мы все просто рехнемся. Надо встряхнуться.

И они решили устроить тайную вечеринку назло Великому Карантину и всем запретам.

На вечеринке все перезаразились коронавирусом. Собственно, многие узнали это лишь постфактум – и Слава Крутов в том числе. В свои девятнадцать он перенес новую чуму сравнительно легко – покашлял, потемпературил денек, никому не сказал из домашних – ни матери, ни бабушке. К бабушке даже сгонял на мотоцикле, оформив пропуск, как только почувствовал себя получше – сделал благородное дело как любящий внук: привез ей продуктов, забрав их в постмате «Метро».

Бабушке стало плохо через три дня после его приезда. Через неделю она умерла в инфекционном госпитале, развернутом на месте выставочного центра. Коронавирус в тяжелой форме.

Мать обвинила его в том, что он пошел на ту чертову вечеринку, заразился сам и заразил бабушку. Мать любила свою мать и искала виновных. Кричала на него, что он бессердечный эгоист, не понимающий, что мир изменился безвозвратно. Что вот он жив и здоров, а ее мать – еще крепкая семидесятилетняя женщина – мертва.

В ответ Слава лишь бубнил: «Мам, мам, прекрати, что за ерунду ты несешь? При чем тут я? Это болезнь».

Он и правда, искренне недоумевал. И самое главное – не верил, что стал причиной смерти бабушки, которая вырастила его. И оставила ему в наследство дом в Отрадном – дачу, где он провел все свое детство.

Он так спешно помчался на мотоцикле в Отрадное, пото-

му что назавтра мать записала его на прием к нотариусу. Надо было начинать оформлять бабкино наследство – дом. А документы и на дом, и на участок так и лежали со дня бабкиной смерти в ее комодке. Необходимо было их срочно забрать. Мать не поехала сама. В ее мозгу подобно чудовищной ядовитой орхидее расцвел странный психоз – будто дом ее любимой матери, умершей от коронавируса, теперь надолго заражен. Зачумлен.

Каких только психозов нет сейчас на эту тему. Каких сплетен! Слава в свои девятнадцать презирал все это. Но вместо матери поехал сам – он ведь уже переболел, пусть и в легкой форме, но что-то ведь там, наверное, осталось в его организме – какие-то антитела, про которые все сейчас болтают неведь что.

Оставив мотоцикл у забора, он отпер замок калитки, вошел в сад, захлопнул калитку и... внезапно почувствовал – что-то не так.

Смутное чувство тревоги...

Еще более смутное неуловимое чувство грозной опасности...

С ним такое уже случалось в раннем детстве. Например, как сигнал в мозгу – не надо идти по той улице и заворачивать за угол – там компания пацанов, уличной шпаны, караулящей мелких, чтобы отлупить и обобрать.

Но сейчас это чувство было несколько иным...

Призрачным, что ли...

Слава прошел по дорожке среди давно оцветших бабкиных флоксов и пионов. Оглянулся. Кусты вдоль забора. Вечерний сумрак – нежные, пепельные тени, что становятся все гуще. И жемчужно-серое вечернее небо.

Слава, насвистывая рэп, взбежал на крыльцо, достал ключи из кармана ветровки и...

Внезапно резко обернулся.

Стебный мотивчик застрял в его горле.

Он никак не мог понять – что именно его так внезапно и сильно напугало?

Здесь никого нет. Бабкин дом в конце тихой дачной улицы. Соседи давно живут за границей и на дачу не приезжают много лет. Их участок зарос. Там настоящий лес. Джунгли...

Слава вглядывался в вечерний сумрак – хлипкий штакетник разделяет участки, а за ним – кусты, заросли...

Чувство такое, словно где-то рядом затаился грозный хищник. И смотрит на тебя из засады. Оценивает. Готовится напасть...

Да что же это за бред? Это все нервы, нервы, нервы, расшатанные карантинном и долгим бездельем, потерей работы в ресторане «Горыныч», куда он с таким трудом устроился зимой официантом. Это и бабкины похороны, и несправедливые обвинения матери...

А что, если дух бабки все еще здесь?

Слава усмехнулся криво, потряс головой. Ты че, вообще, пацан? Ты че придумал сам себе?

Да, бабушка не собиралась умирать. У нее имелись планы на жизнь. У нее были деньги, этот дом. Подруги – старые дамы из обеспеченных московских семей. Она вечно суежилась, болтала по телефону, стряпала, такой живчик, но...

Им же даже в больницу – в тот инфекционный госпиталь – не разрешили приходить ее навещать. Они с матерью после госпитализации бабушки сдали тесты на коронавирус. И у него он был положительный, а у матери нет. И она буквально заперлась от него в своей комнате...

Бабушка умерла в одиночестве.

Затаила ли она зло на него?

Винила ли его?

Нет, нет... она любила его... она вырастила его...

Но отчего ему так не по себе сейчас – здесь, у ее дома, на ее крыльце, перед ее дверью? Совесть заела?

Шорох в кустах...

Он снова резко обернулся.

Маленькая плюгавая собачонка выскочила из кустов. Что-то вроде клочкастой болонки – в шлейке с волочащимся за ней поводком. Тявкнула как-то жалобно.

Слава спустился по ступенькам крыльца. Это что еще за явление?

– Ты откуда здесь? Ты чья?

– Ой, моя, моя! Это моя собака! Мики... Мики, мое золотко, иди ко мне...

Голос какой приятный.

Слава увидел у забора человека – черные кожаные брюки в обтяжку, берцы, косуха в заклепках, кожаная фуражка. На лице эта чертова маска. Даже здесь, на дачах, кто-то их не снимает!

– Моя девочка вырвалась у меня и шмыгнула к вам на участок. Не могли бы вы ее мне подать через забор. Или впустите меня, я ее сейчас заберу.

Голос просто прелесть.

На сердце у Славы потеплело. И страх пропал.

Он подошел к калитке, открыл ее.

У собачки и правда вид какой-то чумной – шерсть свалаялась, глаза гноятся. Собачка подбежала к его ногам, умоляюще заглядывая в лицо. Она как будто просила о чем-то.

Человек, затянутый в черную кожу, словно в латекс, зашел на участок. В правой руке у него было большое черное шерстяное пончо.

– Мики, золотко, иди ко мне. Вы бы не могли поймать ее поводок? Пожалуйста. И прошу прощения за беспокойство.

– Конечно. А песик нервный у вас какой-то.

Слава нагнулся, чтобы взять поводок, волочащийся за собачонкой. И в этот миг...

Точно душный страшный покров на него накинули сверху – пончо, воняющее изнутри чем-то резким, химическим, сладким, тошным...

Он вдохнул эту гадость, пытаясь сдернуть шерстяную тряпку с головы, но его сильно ударили по ногам, подсек-

ли, повалили на землю и притиснули сверху тяжелым телом, всем весом, не давая освободиться от удушающего покрова.

Через минуту, надышавшись, он потерял сознание.

Тьма.

Очнулся он от резкого запаха. Заморгал.

Под нос ему сунули пузырь с какой-то дрянью. Нашатырь, что ли?

Первое, что он увидел, – черное ночное небо, усыпанное звездами. И косматые тени деревьев на его фоне.

Он хотел пошевелиться – и не смог. Все его тело словно паутиной было обмотано липкой лентой – скотчем.

Он хотел крикнуть – и тоже не смог. Потому что скотчем обмотали и все его лицо, оставив свободными лишь нос и глаза. Этакий кокон, а не человек.

Он лежал на боку в багажнике просторного дорогого внедорожника.

– Очнулся? Отлично.

Голос тот же. Все такой же приятный. Но интонация изменилась. Какие-то истерические скрытые ноты, нервозность. Страх. И еще что-то...

Словно предвкушение.

– Как ты себя чувствуешь? На, выпей.

По скотчу у самых губ провели бритвой, испарывая липкую ленту, порезали и губы. А затем что-то полилось – он видел бутылку в руке похитителя. Он едва не захлебнулся сладостью напитка – мед... молоко... сладкое молоко с ме-

дом...

– Я прошу у тебя прощения. Ты прости меня, пожалуйста.

Слава закашлялся. Он не понимал, где он и что с ним. Но липкий животный ужас уже овладел им. Все как в фильмах-хоррорах... Он их смотрел всегда с наслаждением и восторгом. Но как такое может случиться в реальности? С ним? Со Славой?!

Похититель с усилием начал вытаскивать его из багажника.

Вытащил.

Поволок за ноги прочь от машины.

Шел... шел... волок...

– Здесь. Правильно. Это здесь.

Слава лежал в дорожной пыли. И видел над собой черное бархатное ночное небо, усеянное звездами, словно жемчугом. Его похититель куда-то пропал. Возможно, вернулся к машине?

Слава забился на земле. Изогнулся. Приподнял голову, стараясь оглядеться по сторонам. Лес... Темнота... Но он не в чаще.

Это лесная узкая дорога. От нее начинается просека, уводящая в темноту. И есть еще одна дорога – совсем узкая, лесная тропа.

Перекресток. Он на перекрестке трех дорог. Но где это место? Как далеко его увезли от Отрадного?

Шаги. Жалобное твяканье.

Его похититель вернулся, прижимая к груди правой рукой опутанную поводком болонку, которая жалобно скулила, словно плакала.

В левой руке – большая канистра.

Слава почувствовал запах бензина.

– Гляди, – просто, как-то свойски и очень доверчиво произнес его похититель.

Швырнул опутанную поводком собачку в пыль. Она шмякнулась на спину, перевернулась, пытаясь убежать, но намотанный на тело поводок не позволил. Похититель достал мобильный и, держа его одной рукой, начал снимать на камеру, другой рукой отвинтил крышку канистры и плеснул бензина. Бросил зажженную спичку.

Столб пламени!

Дикий визг!

Огненный шар прополз полметра – почти к самому Славе, к его лицу, обдавая жаром.

Слава дико заорал. Изгибаясь, извиваясь, как змей, он бился в пыли, пытаясь отползти, отдалиться от этого полыхающего заживо ужаса.

Его похититель молча смотрел на то, что было живым, а теперь сгорало в огне. Снимал на мобильный, держа его в вытянутой руке.

– Жертва ночная. – Голос тихий, печальный, усталый. – Конечно, это живодерство... И, наверное, деградация. Но таковы правила. Я не могу их изменить. Так было всегда. И это

даже жестокостью не считалось... Я прошу у тебя прощения. Лучше для всех и для тебя, если ты не станешь держать на меня зла, когда это случится сейчас.

Похититель с размаха выплеснул весь бензин из канистры на Славу.

– Наверное, не стоило приводить тебя в чувство. В отключке ты бы меньше мучился и так бы и не понял ничего... Но мучения необходимы, они обязательны... И мне нужно было попросить у тебя прощения. Хотелось видеть твои глаза...

Похититель приблизился к нему вплотную, наклонился.

Слава в этот миг увидел его глаза.

Ему показалось, что с ним говорит не человек.

В этом взгляде не было ничего человеческого. Но сквозила печаль.

– Нет, ты меня не прощаешь. Но это не важно. Есть четкий приговор. Либо они, либо... кто-то еще... Ну, получилось, что ты, парень... Конечно же, ты, а не они. За них я не просто убую, понимаешь? За них я умру.

Похититель достал из кармана косухи зажигалку. Вспыхнул крохотный огонек.

Он шагнул назад, продолжая снимать на мобильный, и швырнул зажигалку на землю, туда, где растекалась лужа бензина.

Все вспыхнуло в единый миг.

И возник огромный костер.

Глава 3

Труп

– Федор Матвеевич, здесь раны на теле. Подойдите ближе. Вы же не видите ничего оттуда.

Это сказал патологоанатом, обращаясь к шефу криминального управления ГУВД Московской области полковнику Гущину. Патологоанатом стоял у кривой сосны с расщепленным молнией стволом. Сбоку к стволу дерева уже поставили складную лестницу, и один из оперативников вскарабкался по ней, готовясь ножницами перерезать веревку, не трогая петли и узла. Он ждал лишь команды, когда эксперты-криминалисты, осматривающие почву и дерн у корней дерева, полностью закончат свою работу и расстелят полиэтилен, на который сначала уложат снятое с дерева тело, а затем запакуют его для отправки в морг.

У сосны толпились сотрудники полиции – из местного отдела, из управления Главка, криминалисты делали свою работу, патологоанатом командовал и распоряжался. И лишь трое стояли на значительном расстоянии от сосны.

– Подойди посмотри, что там за раны, где. И сфотографируй для меня на мобильный, – тихо сказал полковник Гущин Клавдию Мамонтову, стоявшему с ним рядом. – Ну и ты тоже иди, глянь. Интересно, что такой, как ты, там увидит.

Странная фраза адресовалась стоявшему рядом с Клавдием Мамонтовым Макару Псалтырникову. Тот посмотрел на сосну, на окруживших ее полицейских, потом на Гущина. Да, эксперты-криминалисты работали, как и принято при осмотре места происшествия, в защитных костюмах и в перчатках. Перчатки были и на опере, который балансировал на складной лестнице, сжимая ножницы и готовясь перерезать веревку. Но больше никто из полицейских не носил ни медицинских масок, ни перчаток – этих новых атрибутов эпохи коронавируса.

А вот полковник Гущин словно собрался на биологическую войну. Мало того что он нацепил и маску и перчатки, но лицо его прикрывал щиток из прозрачного пластика, придававший полковнику совершенно фантастический и слегка ненормальный вид.

Клавдий Мамонтов послушно достал мобильный из кармана и двинулся к сосне, Макар за ним.

Клавдий Мамонтов глянул на серое хмурое небо над головой. Июль... Раннее утро. Однако дождя ночью не было. Он как раз сейчас собирается, поэтому эксперты так торопятся завершить осмотр, собрать улики и все зафиксировать.

А вид у места происшествия ну просто бредовый! Ничего более омерзительного и зловещего он, Клавдий Мамонтов, на службе в полиции повидавший уже достаточно, не наблюдал.

На кривой, расщепленной молнией сосне в петле доволь-

но высоко над землей висел труп. Это была женщина.

Клавдий приблизился и заглянул в ее распухшее багровое от удушья лицо с вывалившимся языком. Женщина средних лет, за сорок. С крашеными жидкими волосами, отросшими у корней, – этакая грязно-серая седая линия на общем блондинистом тоне. Женщина была полной, грузной, широкобедрой. Из одежды на ней был только синий рабочий халат, криво застегнутый и обнажающий обвислые груди. Одежда явно не ее – новый халат, замаранный кровью.

Клавдий Мамонтов созерцал желтую кожу, синюшно багровое пятно на шее под подбородком, где в кожу впивался скользящий узел веревки.

– Что он такое делает, этот извращенец? – шепнул ему Макар Псалтырников, потрясенный тем, что видел.

– Свою работу. А ты молчи, комментарии твои все потом, – шепнул ему в ответ Клавдий Мамонтов.

Фраза Макара относилась к патологоанатому. Тот задрал подол синего халата жертвы, обнажая низ ее живота, лобок и ягодицы. Он указывал именно на ягодицы повешенной.

Клавдий Мамонтов увидел на них кровавые раны.

– Ножевые порезы. Ей было нанесено не менее десяти ножевых ран в обе ягодицы. Некоторые раны глубокие, не менее четырех сантиметров. Другие выглядят как порезы. Все раны имеют прижизненный характер, и я полагаю, они вызвали обильное кровотечение, которое не прекратилось, даже когда тело было привезено сюда и вздернуто на дерево.

Патологоанатом говорил медленно, он работал сейчас на включенный видеорегистратор. Клавдий Мамонтов снял раны с разных ракурсов на мобильный. Он не понимал, для чего Гущину это надо. Ведь будет запись видеорегистратора и фотографии криминалистов. Но они так договорились с полковником. И он исполнял условия договора.

– Жуть какая, – снова, не удержавшись, шепнул ему Макар, разглядывающий раны на женских толстых ягодицах. – Это интимный вопрос. И она дама... леди... и чтобы вот так бесстыдно все демонстрировать...

– Это место убийства, – возразил ему шепотом Клавдий. – Умолкни ты. Они и так на тебя уже косо смотрят. Сейчас попрут отсюда.

– Мы закончили осмотр всего участка, забрали образцы, – старший эксперт-криминалист показал на корни дерева и почву перед ним. – Два четко отпечатавшихся следа спортивной обуви. Один смазанный, нечеткий. Судя по всему, кроссовки. Размер тридцать девятый. Полагаю, что они оставлены убийцей. Вон там, на дороге, еще следы – четкие. Парные. Женских туфель на низком каблуке тридцать седьмого размера и тоже кроссовок – тридцать девятого размера.

– Это свидетельниц, – ответил начальник местного УВД. – Тех, что труп нашли и опознали. Я с ними побеседовал в первую очередь. Они там и стояли. Повешенную увидели именно с дороги.

– С перекрестка трех дорог, – шепнул Макар Клавдию Ма-

монтову – он все никак не мог уgomониться.

Клавдий огляделся. Место и правда необычное. Весьма тихое. В километре отсюда федеральная трасса, там остановка автобуса. От нее через поле и рощу проложена аборигенами тропа, которая уводит в лес у подножия холма, на котором стоит монастырь. В лесу тропа, что ведет от автобусной остановки, пересекается с просекой и еще одной лесной дорогой, ведущей к монастырской пасеке, расположенной на удалении от монастыря. Все это объяснил им с Гуциным начальник местного отдела полиции, отлично знающий здешнюю локацию.

Перекресток трех дорог, возле которого растет эта гиблая уродливая сосна, на нее и так смотреть противно из-за ее больного вида, а тут еще...

– Такие халаты послушницы в монастыре, кажется, носят, – заметил начальник местного отдела полиции. – То есть не послушницы... а эти, как их... трудницы.

– Это иногда одно и то же, – сказал громко Макар.

Полицейские оглянулись на него.

Вообще, кто это такой?

Полковник Гуцин – признанный уважаемый профессионал, их бессменный шеф, привез Макара с собой сегодня утром, когда пришло сообщение об обнаружении трупа. Положим, Клавдий Мамонтов, хоть и недавно работает, но в полиции области человек не чужой и уже довольно известный. Но этот тип! Синеглазый красавец блондин... Одни его

рванные джинсы чего стоят и потертая косуха в заклепках, как у байкера.

– На коре дерева следы когтей, – бесстрастным тоном оповестил всех один из криминалистов. – На уровне середины среднего человеческого роста. Здесь и здесь, намного выше. Животное, которое их оставило, пыталось добраться до трупа повешенной. Подпрыгивало. И довольно высоко.

– А мы здесь не одни, – заметил Макар. – Я сразу почувствовал – за нами внимательно сейчас наблюдают. И много глаз.

Все как-то на секунду примолкли.

В лесу стрекотала сорока.

Клавдий Мамонтов оглядел заросли опушки леса, обрамляющие просеку и пяточок – перекресток трех дорог. Ему почудилось в кустах какое-то движение. Ветка колыхнулась...

Начальник местного отдела полиции расстегнул кобуру, достал пистолет и выстрелил в воздух. Выстрел эхом пронесся над лесом. Над верхушками деревьев взмыли в небо лесные птицы, щеглечка и галдя.

Кусты зашевелились, затрещали ветки и...

Не менее десятка бродячих собак вдруг выскочило на перекресток – здоровенные псы, отнюдь не тощие, лохматые, похожие на волков. Они окружили людей у сосны, молча вперяясь в них, в труп, болтающийся на веревке, и в то, что валялось чуть поодаль, почти в центре тройного перекрест-

ка.

Начальник полиции снова выстрелил в воздух. И вся свора, заходясь злобным лаем, кинулась назад – в лес.

– Собаки бродячие. Их и раньше в лесах было немало. А за время карантина, пока люди три месяца по домам сидели, они здесь полными хозяевами стали. Нам жалобы на них поступали. Живность растерзанную жители в лесах не раз находили. И друг друга они едят. Стая на стаю. Канныбалы. – Начальник местной полиции убрал пистолет.

– Их привлек запах крови, – сказал патологоанатом. – Они разорвали тот пластик, в котором, как я уверен, убийца и перевозил тело, когда использовал машину. А он ее точно использовал. Мы нашли следы протекторов – это внедорожник. Собаки лизали кровь с пластика. – Он указал на ошметки целлофана, который эксперты изымали с места убийства и упаковывали как вещдок. – Я уверен – здесь у нас осталась кровь потерпевшей.

– Значит, женщина была жива, когда ее привезли сюда и повесили? – громко из своего «далека» спросил полковник Гушин.

– Да. Я даже так вижу – все признаки механической асфиксии у нее присутствуют. – Патологоанатом поднял голову, вглядываясь в лицо повешенной. – Причина ее смерти – механическая асфиксия. До этого момента она была жива. Только ранена.

– Почему же она не сопротивлялась? Ведь нет признаков

борьбы. Нет следов ее босых ног. – Гушин продолжал уточнять.

– Скорее всего, она находилась в бессознательном состоянии, – ответил патологоанатом. – Проведем биохимию, посмотрим. Возможно, ей дали какой-то препарат. Иначе это объяснить нельзя. Вряд ли она явилась сюда вместе со своим убийцей добровольно, истекая кровью.

– Так ее везти-то недалеко было, – вмешался начальник местного отдела полиции, кивая в сторону монастыря. – Судя по тому, что она у нас уже опознана как...

– Подождите, давайте с осмотром закончим сначала, – приказным тоном, не терпящим возражений, заявил из своего «далека» полковник Гушин. – С ранами разобрались, следы обуви обнаружили. Следы протектора автотранспорта тоже. Нашли пластик, в который заворачивали тело, на нем следы крови. Так, хорошо, а что с этим?

Он указал в сторону перекрестка, где полицейские сейчас расставляли вешки и натягивали желтую ограничительную ленту, намереваясь работать и там со следами.

Клавдий Мамонтов подошел к тому, на что указывал Гушин.

Кровавые ошметки... клочки рыжей шерсти... обглоданные кости.

– Останки какого-то животного, – ответил криминалист. – Его растерзали бродячие собаки.

– Растерзали как? Поймали и загрызли? Или оно уже было

мертвым?

– Невозможно сейчас это сказать. Нужно исследовать.

– Это собака, Федор Матвеевич, – сказал Гущину Клавдий Мамонтов. – Рыжая собака. Не белка же. И не лиса.

– А может, лиса. – Эксперт глянул на него с вызовом. – По этим останкам определить визуально нельзя.

– Мне кажется – это собака, – повторил Клавдий Мамонтов, уже не так уверенно.

– Я же сказал, бездомные псы – они все каннибалы, – хмыкнул начальник местной полиции. – У нас тут всего восемьдесят километров от Москвы. И уже такое зверье в лесах. Что говорить о какой-то глухомани на севере? Вот что три месяца безлюдья могут сделать. И цивилизация вся прахом.

– Давайте снимать тело с дерева, – скомандовал патологоанатом. – Я его еще должен детально осмотреть здесь, на земле.

– Я хочу поговорить с теми, кто нашел и опознал труп, – объявил полковник Гущин.

– Обе свидетельницы в нашем полицейском фургоне сидят, я их пока попросил задержаться. – Начальник местного отдела полиции кивнул на припаркованные на удалении от перекрестка полицейские машины. – Беседуйте с ними там, Федор Матвеевич.

– Нет, пусть выйдут обе наружу из машины, поговорим на воздухе. – Гущин повернулся и зашагал прочь от сосны.

Клавдий Мамонтов и Макар, словно его свита, двинулись следом.

Клавдий успел заметить, как переглянулись между собой начальник местного отдела полиции и патологоанатом.

Да и взгляды других полицейских, провожавшие полковника Гущина, были весьма красноречивы.

Глава 4

Очевидцы

Дождь, которого ждал Клавдий Мамонтов, так и не полил. Напротив – выглянуло июльское солнце и стало даже припекать. До полицейских машин было совсем недалеко, однако на половине пути полковник Гуцин неожиданно остановился. Он тяжело дышал. Ослабил галстук.

– Долой маску, Федор Матвеевич, здесь же никого нет, или на подбородок ее спустите, – посоветовал ему Клавдий Мамонтов, снимая пиджак от своего черного костюма и перекидывая его через руку. – Вам так дышать совсем невозможно. И перчатки долой. Свариться заживо можно в резине.

– И козырек дурацкий тоже прочь, – подхватил Макар Псалтырников.

Он и сам разоблачился – скинул косуху в заклепках, оставшись в белой футболке, с которой нагло скалился череп в зеленом берете.

– Не страшно сейчас такое носить? – спросил его Гуцин, указывая на футболку с принтом. – Символ смерти.

– Sculp¹, черепушка. – Макар погладил грудь и череп, привычно именуя его на английский манер. – Это знак Ино-

¹ Череп (англ.).

странного легиона, между прочим.

– Служил в легионе? – Гущин окинул его взглядом из-под своего пластикового щитка.

– Нигде он не служил. Я же сказал вам, это мой кузен из Англии. Он в Кембридже учился, а потом полжизни в Лондоне бил баклуши на папины деньги, – пояснил Клавдий Мамонтов.

Обе свидетельницы уже ждали их на вольном воздухе – начальник местного отдела позвонил оперативникам, и те выпустили их из полицейского фургона.

Две тетки в летах – полная и худая. На полной – верх от розового спортивного костюма и юбка. Кенгурушка плотно обтягивала грузные груди и выпирающий живот. Чужеродной частью современного прикида выглядела пестрая ситцевая юбка совершенно деревенского вида, которая не вязалась ни с модными круглыми солнечными очками свидетельницы, ни с ее кокетливой розовой повязкой для волос. Клавдий Мамонтов заметил на ней белые кроссовки, испачканные глиной. Вот кто оставил следы на дороге тридцать девятого размера.

Вторая свидетельница была ей под стать – того же возраста и тоже в долгополой юбке и вязаной кофте внакидку – тощая, как жердь, но крепкая и ростом повыше. Она носила платок, завязанный «комсомолочкой», из-под которого выбивались отросшие за карантин пегие пряди. Обута она была в старые туфли непонятного цвета на низком каблуке. Ну,

выходит, и со следами тридцать седьмого размера – от туфель – теперь тоже все ясно.

– Здравствуйте, я начальник криминального управления. – Полковник Гуцин представился свидетельницам по полной форме. – А это мои помощники. Назовите, пожалуйста, свои имена и фамилии.

– Павлова Мария Сергеевна, – сказала худая.

– А я Кавалерова Нина Борисовна, – представилась ее толстая товарка.

– Расскажите все с самого начала – куда и откуда вы шли так рано утром и что увидели. – Гуцин задавал вопросы, преодолевая одышку.

– У нас смена кончилась в госпитале, в том, что в Дарьино развернули, полевом мобильном. Ночная смена, мы там волонтерками работаем, – начала Павлова. – У меня это как послушание, еще матушка игуменья меня на сей труд благословила, я ведь монастырская. А у Нины – зов сердца. Она доброволец. Закончили смену ночную, сели на автобус в шесть утра и уже через час здесь были, вышли на остановке и побрели потихоньку в монастырь. Так, Нина?

– Все так, Манечка, – ответила ей Кавалерова.

– Идем мы, значит, по дороге от остановки...

– А вы часто этой дорогой ходите? – уточнил Гуцин.

– Каждый раз, как с автобуса, – ответила Кавалерова. – Напрямик. Одной, правда, лесом-то не очень комфортно в такой час тихий, безлюдный. Но нас-то ведь двое.

– Наши из монастыря здесь ходят. И кто возвращается из города, и кто с пасеки, здесь же три дороги сходятся. То есть это раньше наши тут ходили. А теперь в монастыре нашем срам сплошной, содом и гоморра – сами, наверное, по телевизору слышали. – Павлова горестно покачала головой. – Матушка игуменья нас покинула. А эти... орда немытая в кельях и в храме засела. А мы... ну, кто не с ними... нам приказ от епархии вышел искать себе место другое, покойное. Самим его искать! А как найдешь?

– Покойное – это на кладбище, – хмыкнул Макар.

– Манечка неправильно выразилась, – ответила ему Кавалерова. – Покойное – в смысле благопристойное. В другой обители. А то в монастыре с некоторых пор такой скандал идет, батюшки-светы...

– Про монастырь чуть позже, сначала о том, что вы видели здесь, – сказал Гущин.

– Ну а что мы видели... страх! Не дай бог такое никому увидеть и во сне кошмарном. Подходим к перекрестку. Глядим... а на сосне-то она висит – качается! – Павлова затрясла головой, словно отгоняя от себя жуткое видение.

– Вы ее сразу узнали?

– Я нет... сначала нет... и Нина тоже нет... нас как громом поразило. Если бы не Нина, я вообще бы прочь бежать бросилась со всех ног. Она меня удержала. Она похрабрей меня. Подошли мы с ней к сосне ближе... о госсподи... А это она!

– Кто она?

– Серафима... Сима... из монастыря, – подхватила взволнованно Кавалерова.

– Она монахиня? – уточнил полковник Гушин.

– Нет, она не монахиня. – Кавалерова вздохнула. – Она как Манечка – в миру и одновременно в скиту. Так это, Мань, называется у вас?

– Примерно так. У меня квартира в Павловском Посаде. Я всю жизнь проработала на разных должностях – сначала в исполкоме, потом в администрации местной, была замначальника бюро пропусков, – похвалилась Павлова. – Замуж так и не вышла, зато на пенсии оказалась. И подумала, что... монастырская жизнь... не схима, а весь этот уклад жизненный – молитва, покой, работа... Это как раз мое, по мне. Да и легче при монастыре существовать одинокой пенсионерке. Вот и Сима была такой. Она здешняя. Но у нее тоже никого. Она детдомовская.

– А как ее фамилия? – спросил Клавдий Мамонтов.

– Симиная? – Кавалерова глянула на него. Глаза у нее были круглые, серые, выпуклые, сильно навывкате. Взгляд приветливый, словно обволакивающий. – Ой, а я и не знаю... Манечка, как Симиная фамилия?

– Воскобойникова. – Павлова, видно, знала жизнь и обитателей монастыря лучше своей товарки.

– И вы ее сразу опознали? – снова уточнил Гушин.

– Ну да. – Кавалерова кивнула. – Она такая полная, как я,

была. И волосы... Правда, Маня?

– Да... лицо, конечно, у нее... о госсподи... такая гримаса. – Павлова содрогнулась. – Язык она себе прикусила, как в петле билась. Я-то сначала подумала – грех какой, руки она на себя наложила, повесилась! Потом смотрим – а у нее халат весь в крови на заднице... Ой, простите, сорвалось с языка... на заду... И там еще какой-то ужас кровавый валяется в пыли – словно сожрали кого-то... Ну, мы тут не выдержали. Я бежать в монастырь хотела. А Нина мне – погоди, пока добежим! Полицию надо срочно вызывать. И мобильник из кармана достает. Я-то про свой телефон в такой миг напрочь забыла.

– Так, значит, это вы вызвали полицию? – спросил Клавдий Мамонтов.

– Мы. – Женщины закивали.

– Сами мы к остановке вернулись. Нам так дежурный полицейский приказал по телефону. Мы ему точное место все никак описать не могли от волнения, – сообщила Кавалерова. – Он нам – вернитесь на остановку, ждите полицейскую машину. Покажете нашим сотрудникам место. Через десять минут приехали. Еще и автобус следующий не успел подойти. Так что и пассажиров-прохожих не было, – докладывала Кавалерова. – А потом ваши вообще проход закрыли к перекрестку.

– А вы сами какое отношение к монастырю имеете, Нина Борисовна? – поинтересовался Гуцин.

– Я-то им седьмая вода на киселе. – Кавалерова вздохнула. – Не могу сказать, что монастырская жизнь меня привлекает, как Манечку. Если что и привлекает, то не уклад, а круг общения, люди монастырские, атмосфера церковная. Мы вот с Маней в госпитале волонтерничали весной – в самый разгар, ну сами знаете чего. – Кавалерова и на Гущина глянула своими выпуклыми серыми глазами. – Вы вот маску носите. Перчатки. И правильно. А у нас в госпитале такие дни были – у меня от маски кровавые полосы на щеках, потому что мы по двое-трое суток маски не снимали. Возле больных, у самых тяжелых в реанимации, в красной зоне.

– А все сам это видел. Я через это прошел. Я болел, – ответил Гущин.

Кавалерова задумчиво кивнула. И перевела свой взгляд на Макара, слушавшего их молча.

– Я посещаю монастырь. Сначала приходила к Мане, потом с монашками познакомилась. Они-то на карантине сидели, как все. А у нас были пропуска постоянные для поездок – мы же как медперсонал. Ну а потом в монастыре началась свара. Собственно, чего мы еще ждали? Вот, пожалуйста – чем все это закончилось! Убийством!

– А вы, когда увидели Серафиму Воскобойникову повешенной на дереве, подумали, что это убийство?

– Да. – Кавалерова кивнула. – Я Симу знала пусть и не очень хорошо, но достаточно. Богобоязненна она и истинная христианка. Она бы никогда не совершила суицид.

– Да у нас в монастыре они уже с ножами друг на друга – поубивать готовы, – горестно и пылко подхватила Павлова. – Такое безобразие творится. А для журналистов – все словно шоу. Приезжают с телевидения снимать наш позор! Эти – орда немытая – их гоняют чуть ли не палками. Драки, ругань! Казаков каких-то набрали для охраны. Какие они казаки? Алкаши все ряженные, самозванцы проклятые! А этот черт... что на нашу голову свалился... исповедник-то схимник... да он антихрист настоящий!

– Маня, ты не очень понятно опять выражаешься, – обрвала ее Кавалерова. – Полицейские не понимают твой церковный сленг. Да они и сами разберутся.

– Как ее нам называть – Серафиму Воскобойникову? Если она не монахиня, не послушница и не трудница? – уточнил Гущин

– Можно насельница, – сказала Кавалерова, – но это тоже не точно. Хотя... насельники – это те, кто какое-то место населяют. Зовите ее так.

– Вы считаете, что ее убийство как-то связано с происходящим в монастыре? – задал свой главный вопрос полковник Гущин.

– А с чем же еще это может быть связано! – в один голос воскликнули взволнованные свидетельницы. – Конечно, с тем, что там творится вот уже почти месяц!

– А у вас есть какие-то конкретные подозрения? Кто это мог совершить?

– Кто мог ее так страшно убить? Повесить на дереве? – Кавалерова пожала полными плечами. – Нет, увольте нас, это мы сказать не можем. Да мы и в монастырь в последнюю неделю не заглядывали. Я так вообще – с работы домой. А Манечка всего два раза и была. Да, Маня? Она тоже из госпиталя – к себе в Павловский Посад. Потому что...

– Потому что в монастыре находиться нестерпимо стало, – заявила зло Мария Павлова. – Не обитель святая, а приют мерзости и смертного греха!

Полковник Гущин поблагодарил женщин и записал их адреса. Клавдий Мамонтов предупредил, что их обеих еще будет допрашивать следователь.

Глава 5

Гнездилище смуты. Психоз № 6

– Получается, она из монастыря. Жертва, – объявил полковнику Гушину начальник местного отдела полиции. – У нас вся эта канитель с монастырем Кириллово-Глинищевским еще в карантин началась, а как ограничения сняли, так вообще такой бардак там. Нам в их свару вмешиваться запретили, потому как это внутренние церковные дела. Но там у них до драк дело дошло. Журналисты приезжают снимать – так на них приверженцы игумена чуть ли не с дубинами. Съемочной группе камеры разбили, корреспондентке нос расквасили.

Они стояли возле патрульных машин, наблюдали, как тело повешенной Серафимы Воскобойниковой – монастырской насельницы, запакованное в черный пластиковый мешок, санитары грузят в «Скорую».

Солнце припекало все жарче. С опушки доносился аромат лесных цветов. Пчелы гудели в траве, прилетев с монастырской пасеки.

Клавдий Мамонтов смотрел на белый, обнесенный толстыми стенами Кириллово-Глинищевский монастырь, раскинувшийся на горе.

– Известен с двенадцатого века, – заметил Макар. – Впер-

вые упомянут в летописи, когда был razорен монголами. В начале шестнадцатого века во время осады монастыря татарами по преданию над горой появилась гигантская фигура витязя с мечом. И татары трусливо бежали. С тех пор холм именуется Пужаловой горой. А вся местность вокруг – Кириллово-Глинищевской пустынью. При закладке кафедрального собора – вон его колокольня отсюда видна – присутствовал царь Федор Алексеевич лично, сынок Тишайшего, братан Петра. Позже в монастыре принял постриг Борис Голицын – воспитатель Петра и брат любовника царевны Софьи Василия Голицына. Кстати, они оба тоже монастырь посещали. Со времен царя Федора под стенами монастыря торговала ярмарка, художник Кустодиев сюда наведывался на этюды рисовать ярмарочный быт.

– Ты откуда все это знаешь? – спросил удивленно Клавдий Мамонтов.

– Просто знаю. Слышал, читал. А сейчас монастырь взбунтовался. – Макар усмехнулся. – Явился некий схиигумен Афиноген и начал гнать волну – он напрочь отрицает вирус и эпидемию, считает все это глобальным заговором мировых масонов. Монастырь был женский, но он привел с собой своих последователей с Урала, и сейчас там сборная солянка – и монахи, и монашки, и миряне, и просто любопытные, сочувствующие. Афиноген страстный и популярный блогер – он ведет свой канал на «тьюбе», который регулярно блокируется Роскомнадзором, но словно Феникс из

пепла возникает вновь – под другим именем. Блогер-игумен прославился на всю страну. О нем регулярно сообщают медиа, снимают репортажи как о селебрити.

– Мы сначала ко всему этому как к анекдоту относились, потом как к бреду, психозу, – хмыкнул начальник местного отдела. – И на разборки их глаза закрывали. Но вот убийство. И таким зверским способом... Все, финита. Теперь разберемся с монастырем по полной.

– Схиигумена в комментах и соцсетях зовут Отец Офиген, – улыбнулся Макар. – Кто с кем разберется – это еще надо посмотреть. Он, говорят, сами знаете кого Антихристом в открытую именует на своем канале.

– Поедем туда все вместе, – скомандовал словно нехотя полковник Гушин. – Надо будет начинать их всех допрашивать, кого на месте, кого везти в отдел. Но сначала я сам поговорю с этим святым отцом.

Распорядившись, он молча полез во внедорожник Мамонтова, припаркованный у полицейских машин. Еще одно новшество – он не пользовался своей служебной машиной с водителем, как раньше. Предпочитал авто Мамонтова. Так они договорились. И опять же – Клавдий Мамонтов исполнял их договор.

Во внедорожнике полковник Гушин стянул наконец резиновые перчатки. Кисти рук его покраснели и вспотели. Он достал из кармана антисептик и щедро побрызгал на ладони.

– Руки, – скомандовал он.

Клавдий Мамонтов и Макар, как дети, протянули ему руки, и он обильно полил их антисептиком. Сдвинул пластиковый щиток на лоб и опустил маску на подбородок.

– С нами вы в машине без этой стены, – сказал Макар, кивая на перчатки, аккуратно запакованные Гущиным в мусорный мешок. – А там с ними...

– Ты переболел.

– Да, я сказал вам сразу.

– Но я-то не болел, Федор Матвеевич, – заметил Мамонтов. – Где же логика в ваших действиях?

– Не надо мне сейчас про логику, сынок, ладно? – Гуцин смотрел перед собой. – Мы договорились, кажется.

До Кириллово-Глинищевского монастыря на горе доехали в полном молчании. А там дым коромыслом. Обогнавшие их полицейские машины с мигалками, с сиренами. И еще машины у ворот – прессы, телевидения и не только.

В воротах – Клавдий Мамонтов сначала подумал, что это ряженые или актеры, может, фильм снимают? Но какие сейчас фильмы? – плотная группа, преграждающая полицейским и не полицейским вход в монастырь. Женщины в черных монашеских одеждах и в мирских нарядах, замотанные до глаз в платки, мужчины – сплошь бородатые – в монашеской одежде и в мундирах, смутно напоминающих казачьи, но выглядящих так, словно их нашли на свалке.

– Ты не пройдешь! – зычным голосом орал дюжий бородач-богатырь начальнику местного отдела полиции, оказав-

шемуся у монастыря раньше Гущина.

– В связи с расследованием обстоятельств убийства я требую незамедлительно открыть правоохранительным органам доступ на территорию монастыря для проведения неотложных следственно-оперативных мероприятий по горячим следам! – чеканил полицейский.

– Снимайте! Снимайте! Сейчас здесь такое начнется! Дорогие телезрители, наша программа «Жизнь и Вирус», как всегда, в эпицентре событий! – загрохотало голосом ведущий с четвертого телеканала, вместе с оператором снимающий и полицию, и монастырских. – Терпение властей наконец лопнуло! Полиция намеревается штурмовать мятежный монастырь. Мы ведем прямое включение с места событий. Но где же знаменитый схиигумен Афиноген? Его пока не видно среди его сторонников. Надо сказать, что сегодня утром в окрестностях монастыря произошло некое событие, обстоятельства которого мы сейчас выясняем. Мы уже обратились за комментариями к полицейским! А пока – прямое включение! Оставайтесь с нами!

– Позовите схиигумена, – очень спокойно попросил полковник Гущин, снова надевший и маску и новые перчатки. – Я представитель областного главка, начальник криминального управления. Я хочу поговорить с отцом Афиногеном.

– А вот он-то захочет с тобой говорить? – крикнул кто-то из «казаков». – Эй, православные, не поддавайтесь на провокации! Они нас раскольниками и сектантами именуют –

так это все ложь и наветы!

Из черного роскошного «Ягуара», остановившегося у полицейских машин, вышел импозантный священнослужитель в шелковой рясе с красивым наперсным крестом, с надушенной дорогим парфюмом окладистой бородой и гривой роскошных, словно завитых, кудрей. Он сразу надел на себя медицинскую маску.

– Секретарь епархии отец Викентий, – представился он полицейским. – Я должен зачитать раскольникам решение Священного синода об отлучении их от церкви. – Он взмахнул рукой, держа сафьяновую папку с документами. – Довожу до вашего сведения, что с настоящего момента человек, именующий себя схиигуменом Афиногеном, а в миру Валерием Жабровым, более не является возлюбленным чадом церкви, а переходит в разряд отступников веры и блудодеев! И подлежит церковному отлучению за выбор греховного и опасного пути раскола и смуты, соблазна и греха!

– Этот старец в миру Валерий Жабров? – тихо спросил полковник Гуцин начальника местного отдела.

– Ага. Знакомая фамилия? Он же наш бывший, из органов. Я к нему в самом начале этой бузы приехал и так по-свойски ему – Валер, ну ты чего ваньку валяешь? Ты же наш, бывший опер. Ну ладно – в тюрьме посидел, с кем не бывает. Чего ты сейчас-то горбатого лепишь? Юродствуешь? Народ баламутишь? А он на меня глянул и зашипел, как змей, – ах ты прихвостень антихристов, – начальник отдела передраз-

нил игумена – бывшего сыщика.

– Моя прееелессть, – прошипел в тон ему Макар. – Ну это чудо что такое. Здешний протопоп Аввакум, оказывается, тоже из органов!

– Жабров лишается сана и не может более служить и проповедовать, крестить, исповедовать и отпускать грехи! – повысил голос представитель епархии. – А вместе с ним церковному отлучению подвергаются и те, кто осознанно и упрямо следует бессовестному и опасному словоблудию этого раскольника и некроманта...

– Сам ты некромант! Семя антихристово! – завизжали монашки в черном. – Не смей лаять на отца Афиногена! Он святой и пророк! А ты глянь на себя – борова гладкого! На какой ты тачке едешь! Мамону ненасытную свою ублажаешь! Чревоугодничаешь!

– Матильда! Матильда приехала! – пронеслось вдруг над площадью перед монастырем.

И все оживились, зароптали, засуетились. Телевизионщики вооружились длинными микрофонами с мохнатыми чехлами, подсовывая их поближе к «раскольникам».

К монастырю с сопровождающими приехала на внедорожнике Матильда Оглобина – ее не надо было представлять, потому что она и так уже успела прославиться на всю страну.

– Крымская Барабулька пожаловала. – Макар подтолкнул Клавдия Мамонтова локтем. – Ну, сейчас будет потеха. Отец Офиген ее бывший исповедник, они были долгое вре-

мя очень близки духовно, как сплетничают соцсети. Но и она оставила его, как только он взбунтовался. А сейчас, видно, послана уговаривать его. Вот только кто ее послал, интересно? Вряд ли это ее собственная инициатива.

Крымская Барабулька некогда слыла молодой и симпатичной, этакой девочкой из комиксов Манга – большеглазой, похожей на эльфа, но за годы политического пиара и шухера уже успела постареть, поистрепаться, поблекнуть и обабиться. Сходство с эльфом у Матильды осталось, но эльф выглядел все более злым, мстительным и несчастным, словно огрызающимся на окружающий его мир.

– Афиноген, я приехала! Я звонила тебе! И вот я здесь. Давай поговорим спокойно, культурно, как нормальные люди! – тоненьким голоском «девочки из Манги» крикнула она на весь монастырский двор.

Среди монастырских произошло какое-то движение. Кто-то пролагал себе путь – и перед ним почтительно расступались.

И вот отец Афиноген появился в воротах захваченного им и осажденного властями монастыря.

Первое впечатление о нем – этакий зловещий худенький старичок. Второе – никакой не старичок, а седой мужчина лет пятидесяти, только старообразный, сморщенный, тощий. Третье впечатление – ну, вылитый Горлум из Властелина колец. И глазки пронзительные голубые – круглые. И ухмылочка под клочкастой бородой. Он был облачен в черную схиму,

поношенную, закапанную свечным воском. На голове – черная шапочка с вышитым крестом и черепом с перекрещенными костями.

– Здравствуй, Матильда, – приветствовал он свою прежнюю последовательницу. – Здравствуйте и вы все, званые и незваные. Доброго вам всем здоровья и благополучия, чада Господни!

Клавдий Мамонтов отметил, что, несмотря на всю одиозность, отец Афиноген – бывший опер, ему чем-то сразу безотчетно понравился. Может быть, своей зловещинкой и тщательно скрытым от дураков внутренним стебом. И крепким стержнем.

– Я должна передать вам настоятельную просьбу, отец Афиноген. – Матильда назвала его уже, как раньше, «отцом» и на «вы». – Пожалуйста, прекратите все это. Оставьте обитель, распустите своих приверженцев. И закончите всю эту нелепую комедию, столь неподобающую ни вам, ни вашему прежнему положению и сану.

– Ты учить меня, что ли, приехала? – Он смотрел на нее с улыбкой. – Ты уже однажды страну нашу с фильмом про царя-государя все учила, учила, а тебя все личиком ясным об стол и об стол. И как ты мне плакала, как жаловалась – помнишь?

– Это было на исповеди. – Матильда выпрямилась. – Негоже тебе говорить все это, Феня... или ты Афоня? Это не только в церкви, но и у раскольников не принято. Грех

смертный.

– Грех смертный предавать своих друзей, Матильда. Грех быть такой маленькой подлой Иудой, как ты. – Игумен покачал головой. – У тебя ведь что ни шаг – то предательство, сначала присягу нарушила, потом друзей предала, от меня отказалась – своего духовного наставника, которого сама же выбрала. Пошла прочь отсюда! – властно указал ей перстом отец Афиноген. – Вон! И закончишь дни свои, как Иезавель, сожранная псами! Это я тебе говорю – а мое слово пророческое!

– Вы собак имеете в виду? – громко, перекрывая всеобщий гвалт, осведомился полковник Гуцин.

Все замолчали.

– Вы сейчас «псов» упомянули фигурально в библейском смысле или конкретное что-то имели в виду? – продолжал очень спокойно полковник Гуцин. Схиигумен смотрел на него пристально.

– В километре от монастыря произошло зверское убийство, – продолжил полковник Гуцин. – Убита насельница вашей обители Серафима Воскобойникова.

В толпе приверженцев и противников игумена слышались шепот, аханье-оханье, возгласы.

– Вам она знакома?

– Да, я ее знаю, – кивнул схиигумен.

– Тогда у меня к вам, Жабров, разговор особый. Приватный. – Полковник Гуцин пошел прямо на отца Афиноге-

на, тот посторонился, давая ему дорогу и словно приглашая в монастырь. Клавдий Мамонтов и Макар двинулись следом. А за ними толпа сторонников схиигумена снова плотно сомкнула ряды, преграждая полиции вход в свое мятежное гнездо.

Глава 6

Психоз № 6 – Иезавель

– Кто такая Иезавель в Библии? – тихонько осведомился полковник Гуцин, пока они шли за схиигуменом Афиногеном.

– Леди, рассорившаяся с пророком Илией, – ответил ему Макар. – Они не сошлись во взглядах по целому ряду тем, и пророк ее проклял, пообещав, что ее труп разорвут псы. Так и случилось впоследствии. Официально церковь считает Иезавель символом гордыни и порока, негласно – борцом против установленных правил и символом женского протеста.

– Я все забываю тебя спросить – что ты в Кембридже изучал? – осведомился Клавдий Мамонтов.

– Философию, этику, историю. – Макар Псалтырников усмехнулся. – А ты думал – я только пью и на рояле играю?

– А пророк Илья сам натравил на Иезавель собак? – уточнил полковник Гуцин.

– Нет, вроде как предсказал ей такой страшный конец. А там кто знает – Библия умалчивает.

Схиигумен Афиноген остановился посреди монастырского двора. На ступеньках храма – немногочисленная группа монашек в черном и женщин в мирской одежде, в платках. Среди них Клавдий Мамонтов увидел тех самых свидетель-

ниц – Павлову и Кавалерову. Их до монастыря подбросили полицейские на машине.

Женщины молча и недобро смотрели на схиигумена.

– Наконец-то полиция явилась меры принимать! – крикнула одна из монашек. – Дождались светлого праздничка. Сколько мы жаловались на эту орду раскольников – ноль реакции от власти. Так вот теперь они одну из наших убили – Серафиму! А мы предупреждали: этим все и закончится – душегубством!

– Не каркай, ворона, – хладнокровно осадил ее отец Афиноген.

– Когда последний раз вы видели Серафиму Воскобойникову? – спросил его полковник Гуцин.

– Когда-то видел. Мельтешила она здесь.

– А тогда, когда ты полаялся с ней жестоко в прошлый раз, – снова громко заявила мятежная монашка. – Пусть полиция все узнает. Мы ничего скрывать не станем. Мы не из его приспешников, мы те немногие, кто остался здесь верными церкви, когда он – этот блудодей и раскольник – выгнал из монастыря нашу игуменью Матрону и засел здесь со своей бандой с Урала. Виданное ли дело – мужиков, казаков в женскую обитель понагнал, чтобы мужики, монахи и монашки вместе сожительствоваали! Это в сектах только так принято. А он и есть сектант и раскольник. Серафима сразу против этого восстала. Обличала она его – язычника бородатого.

– Да, она против Афиногена выступала открыто, – под-

хватила и свидетельница Мария Павлова, обращиваясь к подруге своей Кавалеровой. – Скажи, Ниночка? Мы и сами это с тобой здесь своими ушами слышали.

Толстая Нина Кавалерова кивнула и горестно вздохнула.

– За это они и убили ее. – Монашка в черном ткнула пальцем в отца Афиногена. – Вы только взгляните на его рожу. На ней же все написано – бандит! Может, сам не убивал, так приказал подручным своим. Они все сплошь по тюрьмам сидели!

– Не слушайте вздорных баб, – ответил смиренно схиигумен. – Никого я и тем более моя паства не убивали. А Серафима...

– Что? – спросил у него полковник Гушин.

– Она же не монахиня была, она в миру обреталась. Там и ищите ее убийцу. За стенами нашей обители.

– Вы ее хорошо знали?

– Я много лет был здешним духовником в монастыре.

– Монах в женской обители – духовник?

– Да. Церковь это разрешает.

– И вы были духовником Серафимы?

– Сначала да. Потом она перестала ходить ко мне на исповедь и слушать меня.

– Почему?

– Я открыто осудил власти за введение карантина. Это бред. Потому что нет никакого коронавируса и не было никогда. Все это выдумки.

– Умерших от вируса сейчас в три раза больше, чем потерь наших в Афганскую войну, – заметил Макар Псалтырников. – Это выдумки? От чего же люди умирают?

– А люди смертны. От чего-то да умирают. Мало ли.

– Но церковь всегда занимала разумную взвешенную позицию по вопросам поведения во время эпидемии. Прививаться паству агитируют, соблюдать неукоснительно все требования врачей.

– Шибко умный, да? – Отец Афиноген глянул на Макара из-под кустистых бровей. – Шибко образованный, парень. Счастья-то тебе от этого подвалило, нет? Что-то не вижу я, что ты очень счастливый.

– Серафима конфликтовала с вами на почве вашего отрицания эпидемии? – уточнил полковник Гуцин.

– Дура она была, распропагандированная телевизором, – жестко ответил схиигумен. – Что скажут по телику – тому и верила свято. Я ей – открой глаза, оглядись. Мир больше экрана. А она меня в ереси начала упрекать. Меня? А я ей – я, что ли, храмы велел на карантин закрыть в такое время? В такое время, когда слово Господне – оно как набат должно быть! Когда люди напуганы и сбиты с толку, и нет им ни покоя, ни утешения. Нет места даже, где помолиться о здоровье близких! Храмы закрыты! Это что – христианский поступок? Так только еретики поступают! Полные отщепенцы.

– Но о каком *таком времени* можно говорить, если эпидемии, по-вашему, нет и вирус – выдумки? – снова встрял

Макар. – Не логично, святой отче.

– Ты логику в собственных поступках ищи, в своей жизни. – Схиигумен снова глянул на него. – Совет хочешь?

Но он не успел дать совет Макару. Потому что монашки из противного лагеря внезапно разразились криками и проклятиями.

– Серафима против него выступила, она в епархию на него написала, она первая тревогу начала бить – мол, раскол и смута в умах! – кричали монашки. – А ты ей угрожал открыто. Она тебя не испугалась, жалобу митрополиту даже написала. А ты ее кляузницей лял и потаскухой. А она дева непорочная...

– Сколько лет было Серафиме? – уточнил Гушин.

– Сорок пять! – кричали монашки. – Из них десять она здесь прожила, хотя пострига не принимала. Она всю бухгалтерию монастырскую вела при нашей игуменье Матроне. А ты как появился со своей бандой, перво-наперво руки в монастырские финансы запустил. Она и в этом тебя обличала. В растрате и присвоении денег наших.

– Мятежная Иезавель, – хмыкнул Макар. – Храбрая женщина.

– Вот так они всегда, – печально покачал головой схиигумен Афиноген. – Раз против власти ты – значит, раскольник, блудодей, а теперь еще и вор. Это такое клише сейчас расхожее. Его спецслужбы на Лубянке выдумали и тиражируют для всех несогласных.

– Вы сам бывший сотрудник правоохранительных органов, и вы сидели за убийство, – сказал ему полковник Гущин. – А сейчас вы говорите, словно...

– Да он себя протопопом Аввакумом возомнил! – крикнула свидетельница Павлова. – Ниночка, скажи, а?

Толстая Нина Кавалерова и на это молча и печально кивнула.

– Где одно убийство, там и второе. – Гущин смотрел на схиигумена.

– Я тот грех свой отмолил и искупил. Я из ревности тогда это сделал, женщину приревновал любимую. – Схиигумен покачал головой. – И с тех пор понял – женщина есть сосуд смуты и зла. И Серафима была такой. Она не о пастве здешней пеклась, а о власти своей утраченной, коей она при игуменье обладала.

– Она тебя хотела заставить нормы элементарные санитарные соблюдать, когда столько зараженных! – крикнула монашка-обличительница.

– В монастыре нет и не было больных. – Отец Афиноген повернулся к полковнику Гущину. – Вот ты, мой бывший коллега, заболеть боишься. Дрянь всю эту на себя нацепил – маску, перчатки. Да если бог решит наказать болезнью, разве спасет от его наказания маска из марли? Ты подумай своей головой. Иними ты ее, открой лицо, вздохни полной грудью. Я тебе как бывший мент менту говорю – нет здесь болезни и заразы. Чисто все. И мы все здоровы. Потому что

этого вашего вируса – ковида нет и не было никогда. А выдумали его толстосумы мировые, чтобы под страхом смерти управлять вами, тупыми овцами, и во время вакцинации чипировать вас, дураков, сделать из вас всех роботов, покорных исполнителей воли своей сатанинской.

– Психоз крепчает, отче, – сказал Макар. – Хотя Илон Маск свинку с чипом уже миру предъявил.

– Кто и когда из вас видел Серафиму Воскобойникову здесь в монастыре в последний раз? – громко спросил монахинь полковник Гущин.

– Позавчера она была. А потом с полудня ее никто не видел. И не ночевала она здесь в келье!

– А вещи ее?

– Мы сейчас глянули – вещи на месте, какие она здесь держала. Сумки ее нет только.

– Но она не все время ведь жила в монастыре? Так?

– У нее квартира в хрущобе в Дегунине однокомнатная. Она ее монастырю отписала по завещанию.

– А звонить вы ей не пытались на мобильный? – задал самый простой вопрос полковник Гущин.

– Ой... да... то есть нет... у нас тут мобильные не очень в ходу... соблазн мирской... Матушка игуменья нам не разрешала их даже держать при себе. Отбирала и в сейф прятала. Но сейчас... ой... а какой номер-то у Серафимы? Кто знает?

– Надо в книге монастырской справочной глянуть!

– Где книга? – спросил Гущин.

– В канцелярии монастыря. Если они... орда не сожгли там все документы.

– Книга цела, я сейчас скажу, чтобы вам ее принесли. – Отец Афиноген сам достал из кармана рясы айфон последней модели, позвонил и распорядился.

Гущин тоже достал свой мобильный и позвонил начальнику местного отдела, так и оставшемся за воротами.

– Все, заходите в монастырь. Надо допрашивать свидетелей, обыск провести в келье потерпевшей. И во всем монастыре.

Монастырский двор заполнился народом – те, кто преграждал путь полиции, медленно отступили. На подмогу полицейским приехал ОМОН в черном. Бойцы шли плотным строем, расчищая путь следственно-оперативной группе из Главка и местного отдела полиции. За полицейскими бежала пресса, телевизионщики с камерами и микрофонами.

– Ну что, как? – спросил Гущина начальник местного отдела полиции.

– Внутренний конфликт, неприязненные отношения. Борьба за власть.

– Чем не поводы к убийству? – Начальник отдела полиции оглядывал монастырь. – Вот тебе и место тишайшее. Арестовываем Валеру Жаброва – схиигумена?

– Задерживаем до выяснения. Его надо отделить от единомышленников, чтобы он не оказывал влияния на своих.

В этот момент бородатый казак из ряженных приволок

странного, почти средневекового вида гроссбух и отдал его схиигумену.

– Здесь ее номер мобильного записан, – сказал отец Афиноген кротко, листая гроссбух. – Она МТС пользовалась, судя по коду. Звоните, проверяйте.

Гущин кивнул Клавдию Мамонтову, и тот, глянув на номер, набрал его на своем телефоне.

Гудки... гудки... гудки...

Он вспомнил полуголоое тело с обнаженной обвисшей грудью и окровавленными ягодицами, бесстыдно вздернутое на сосне, в одном рубище, до которого пытались ночью добраться бродячие голодные псы-людоеды.

Где ее телефон сейчас? У кого? Он не выключен. Он работает. По спине Клавдия Мамонтова бежали мурашки – он ждал, что кто-то ответит ему и...

Гудки оборвались.

– Что и требовалось доказать. – Полковник Гущин повернулся к схиигумену. – Мы задерживаем вас, гражданин Жабров, по подозрению в совершении убийства Серафимы Воскобойниковой, которую вы...

– Святой отче, да что они такое плетут! – взревели ряженные казаки. – В убийцы тебя записали? Да мы... да мы все встанем сейчас за тебя как один!

– Раскольники! Сектанты проклятые! Наконец-то найдут на вас управу! Выкинут вас отсюда! – визжали монашки – противницы схиигумена.

Клавдий Мамонтов видел перекошенные злобой и ненавистью лица. Открытые рты, извергающие проклятия. Увидел искаженное злой гримасой лицо свидетельницы Павловой. А потом увидел Нину Борисовну Кавалерову – ее товарку. Она пригорюнилась по-бабьи и только головой качала скорбно. Взгляд ее выпуклых серых глаз был затуманен.

– Ведите Жаброва к машине, а здесь начинается обыск и опрос свидетелей, – распорядился начальник местного отдела полиции.

– Не орите и не злобствуйте! – Отец Афиноген властно поднял руку вверх, призывая монастырь к повиновению. – Малoverы! Прекратить истерику! Тот, кто, как я, целиком полагается на Господа нашего, не боится ни насилия властей, ни наветов клеветы. Я невиновен, и моя совесть чиста. А Господь совершит чудо! Вы все его узрите, как я уже своим внутренним взором вижу его!

– Жабров, хватит ломать комедию, давайте к машине тихо-спокойно, без эксцессов. – Начальник местного отдела взял схиигумена за локоть.

Тот обернулся. Глаза его вспыхнули.

– Чудо Господне! – крикнул он вдруг пронзительно и страстно. – Чудо! Здесь и сейчас!

Он вырвал свою руку и ткнул перстом в сторону ворот монастыря, которые в этот момент были пусты, потому что все – и полиция, и монастырские противоборствующие стороны, и журналисты-телевизионщики – все переместились

во двор.

– Это кто, по-вашему? – громко, торжествующе спросил отец Афиноген.

Глава 7

Как все начиналось, или Психоз № 3

За два дня до описываемых событий

Для Клавдия Мамонтова все началось с вызова к начальнику Бронницкого УВД майору Денису Скворцову, с которым они подружились крепко со времен дела об отравлениях в доме на Бельском озере ². Тот сообщил: «Братан, а у тебя опять командировка нарисовалась, просит тебя помочь такой человек, которому не откажешь».

Надо отметить, что свой Бронницкий отдел ГИБДД, в котором он вообще-то по документам числился как сотрудник автоинспекции, Клавдий Мамонтов не посещал давным-давно. Он кочевал по командировкам из одного отдела полиции Подмосковья в другой – его негласно «брали в аренду», как бывшего телохранителя-бодигарда высокого класса, имевшего большой профессиональный опыт в задержаниях не просто одиночных вооруженных преступников, но целых групп. Делалось это по одной простой причине – полиция не желала кланяться в ноги Росгвардии, в которой числились

² Подробно об этом деле читайте в романе Т. Степановой «Циклоп и нимфа».

теперь спецподразделения. Хотели обойтись своими силами – дешево и сердито, если наклеывалось серьезное дело с задержанием, погоней и стрельбой. И приглашали Клавдия Мамонтова «по-дружески оказать содействие».

Однако в этот раз все было иначе.

– Кто просит помочь?

– Сам начальник криминального управления Главка Федор Матвеевич Гущин, вы же с ним знакомы. – Майор Скворцов поправил на носу свои модные очки, столь похожие на старинное пенсне. – Он позвонил мне сейчас. И позвонит тебе. Я тебя откомандировываю в Главк в его распоряжение до тех пор... ну, пока он сам тебя назад не прогонит.

Затем Клавдию Мамонтову позвонил сам полковник Гущин и сухо-деловито попросил его приехать завтра утром к девяти в Главк в Москву в Никитский переулок. При этом произнес какую-то странную фразу – как подойдешь к КПП Главка, позвони мне, я тебя встречу.

Чтобы сам шеф криминального управления встречал прикомандированного сотрудника полиции из заштатных Бронниц? Где это видано?

На следующее утро Мамонтов исполнил все инструкции четко. Приехал в Главк, позвонил Гущину – по его номеру на мобильный, который у него определился. Полковник появился со стороны узкого коридора, ведущего во двор Главка.

И Клавдий Мамонтов, увидев его, потерял дар речи. Пол-

ковника Гущина он еле узнал!

Он прекрасно помнил, как выглядел шеф криминального управления раньше – здоровый плечистый толстяк за пятьдесят, лысый, тяжеловесный и немногословный. А сейчас он видел тень!

Полковник Гущин похудел на тридцать килограммов. Теперь это был высокий плотный стройный мужчина с крупными руками, на котором мешком висел его старый деловой синий костюм. Он помолодел лет на десять внешне, однако... Клавдия Мамонтова поразило выражение его лица – нервное, беспокойное. Щека дергается в тике, взгляд какой-то затравленный.

Он шел по пустому коридору, где никого не было. Увидев Мамонтова у КПП, он сунул руку в карман пиджака и достал медицинскую маску. И тут же надел ее. Клавдий Мамонтов заметил на его руках латексные перчатки.

– Привет, – хрипло сказал полковник Гущин. – Спасибо, что приехал. Пойдем во двор, надо поговорить.

Мамонтов поймал взгляд дежурного у КПП – тот смотрел на Гущина странно: с какой-то затаенной жалостью и недоумением.

Сразу после окончания карантина Клавдий Мамонтов краем уха слышал о Гущине лишь то, что тот в середине апреля на пике эпидемии в Москве заразился и заболел коронавирусом. Болезнь протекала очень тяжело. Он находился в инфекционном госпитале полтора месяца – из них почти

три недели в реанимации, был и на искусственной вентиляции легких. Затем его выписали домой. Через две недели, уже летом, в июне он вышел на работу. Ему стало плохо прямо на улице – он едва не задохнулся тогда. На «Скорой» его снова отвезли в госпиталь, где лечили еще две недели.

Судя по всему, с больничного он вышел совсем недавно.

– Клавдий, поработаешь со мной? – спросил полковник Гуцин. – Снова, как в прошлый раз?

Мамонтов знал, что он имеет в виду то дело об убийствах на Патриарших прудах и в Бронницах, на котором судьба впервые свела его с полковником и... с ней... с Катей³. Они были с ней напарниками в том деле, а Гуцин – их шефом.

– Мне неловко вам отказывать, – сказал Мамонтов. – Но в этот раз я пас. Я не могу быть здесь в Главке. По личным причинам, Федор Матвеевич.

– По каким личным причинам? – спросил Гуцин.

– Она с вами всегда работает. Вы знаете, кто...

– Ее не будет в этом деле. Екатерину я привлекать не стану. К тому же ее нет в Главке. Она в командировке, пресс-служба другими делами сейчас занята. А я официально для всех пока еще на больничном, на реабилитации. Вы поссорились с ней?

– Мы не ссорились. Просто она... не хочет меня видеть. А я не желаю навязываться.

³ Подробно об этом деле читайте в романе Т. Степановой «Грехи и мифы Патриарших прудов».

– Повторяю, ее сейчас нет в Главке. Вы не встретитесь с ней здесь даже случайно, пока ты будешь работать в паре со мной.

– Тогда ладно. А что за дело, Федор Матвеевич?

– Нет вроде пока никакого дела. Есть лишь предчувствие, фантом. Но возможно ДЕЛО скоро случится. Вот-вот...

Клавдий Мамонтов воззрился на Гущина. Это как же понимать?

– Наша жизнь кардинально изменилась, – заявил полковник Гущин, достал из кармана пачку сигарет, сунул по привычке сигарету в рот – нелепо под маску и... сразу выбросил. – Я вот курить не могу. Не бросил. Просто не могу. Кашлем захожусь сразу. А все в стороны шарахаются, как от зачумленного. Я с некоторых пор не могу и... Ну, то, что я делал раньше легко, не думая, самые обычные вещи – теперь все это превратилось в некое непреодолимое препятствие. Для меня.

– Не врубаюсь что-то я, Федор Матвеевич.

– Ты мне нужен, Клавдий. Ты умный. Ты внимательный. Ты собран, не заторможен. Ты видишь детали и обращаешь внимание на мелочи. Ты делаешь то, что делал я сам, когда мог... Я хочу, чтобы ты не просто работал со мной. Я хочу, чтобы ты стал моими глазами и моими ушами, моими органами чувств.

– То есть как это?

– Так. И чтобы не задавал мне лишних вопросов.

– Но я не понимаю. И задаю вопросы. Объясните мне – что вы от меня хотите.

– Будешь всегда при мне здесь, на работе. Когда я скажу – войдешь в помещение. Я снаружи останусь. Ты снимешь все на телефон. Или включишь видеовызов и покажешь мне обстановку внутри. Ты будешь общаться с людьми... со свидетелями, подозреваемыми... если я не смогу с ними сам говорить... Потом все в деталях перескажешь мне. Если это будет людное место... ты вообще станешь там работать автономно, сам, поддерживая со мной связь по телефону или в этом, как его... в «зуме». Сейчас технологии позволяют работать и в паре, и дистанционно.

– Хорошо. Ладно. – Клавдий Мамонтов смотрел на полковника. Что у него с головой, а? – Только как же это... почему?

– Потому. Не надо никаких вопросов. Такой у нас уговор.

– Ладно. Уговор. Но почему? Федор Матвеевич?

– Тебе здесь в Главке скажут, что я после ковидного госпиталя свихнулся. – Полковник Гуцин выпятил свой раздвоенный подбородок. – Психоз. Ну, что смотришь на меня так, парень?

– Вы и правда очень изменились, Федор Матвеевич.

– Я умер. – Гуцин как-то слабо, жалко, печально усмехнулся ему. – Считай, что перед тобой – ходячий мертвец. Воскресший по чистому недоразумению. Совершенно случайно.

– Мне когда приступать к своим обязанностям? – тихо спросил Клавдий Мамонтов.

– Прямо сейчас. Ты завтракал?

– Нет. Я рано утром на машине рванул прямо из Бронниц сюда в Москву.

– Все там же живешь – на папиной профессорской даче?

– Да.

– Далеко тебе будет ездить в Бронницы, у родителей в Москве придется пожить это время.

– Я что-нибудь придумаю с квартирой. Сниму.

– Еще насчет машины. – Гуцин помолчал. – Я со своим водителем сейчас не езжу. А сам пока водить не могу – задыхаюсь, в глазах темнеет. Покатаешь меня на своей?

– Хорошо.

– Это в уговор наш входит. В наш пакт. Я ненормально себя веду. А ты этому не удивляешься, парень. И не задаешь мне вопросов.

– Я попытаюсь поступать, как вы хотите, – честно ответил Мамонтов.

– Пойдем завтракать. Ты зайдешь в «Кофеманию», внутрь. – Гуцин говорил о знаменитом кафе на Большой Никитской, которое посещали сотрудники областного Главка, – купишь нам с тобой кофе и бургеры – навynos. Вот деньги. – Он достал из портмоне купюры. – Они чистые, я их санитайзером обливаю, а потом оставляю сохнуть.

– Можно на открытой веранде сесть, Федор Матвеевич.

– Там народу полно. На бульваре поедим. На вольном воздухе.

– Ладно, все куплю. Сладкого чего-нибудь взять вам в кафе?

– Сладкого себе возьми. Ты молодой.

– А что за дело нам предстоит, Федор Матвеевич? Которого нет?

– Скоро все узнаешь. Я думаю, ждать недолго. – Гущин повел его через внутренний двор не к КПП, а к въездным воротам, достал пульт и сам открыл их.

Через двор шла группа полицейских.

– Федор Матвеевич, мы к вам как раз. Надо решить... вы к себе в кабинет? Когда к вам можно зайти?

– Вы мне позвоните, – ответил полковник Гущин. – Все вопросы можно решить и по телефону.

Он вышел из ворот в Никитский переулок. Мамонтов чуть замешкался, услышал, как один опер тихо сказал другим:

– Он работать не может. У него с головой совсем плохо. Ковид, видно, и на мозги действует. Это просто другой человек стал!

Они все были без масок и без перчаток.

Клавдий Мамонтов вышел за ворота. Гущин пультом ворота закрыл.

– И самый главный вопрос, – обернулся он к Мамонтову. И тот понял – и правда, перед ним другой человек! Не прежний Гущин. Но кто? – Ты переболел?

– Нет. Я не болел «короной».

– Значит, у тебя нет антител.

– Наверное.

– И тест не сдавал на вирус?

– Нет, Федор Матвеевич.

– А если я попрошу, сдашь?

– Сдам. Только это ведь на один день. Что, каждый день прикажете тест сдавать?

– Тоже считаешь меня ненормальным?

– Вы сильно изменились. Я должен к этому еще привыкнуть.

– Привыкай. – Гущин смотрел на него. – Впрочем, ты можешь отказаться. Вернуться в Бронницы.

– Я вас сейчас не оставлю. – Мамонтов хотел добавить – в таком состоянии, но прикусил вовремя язык.

– Значит, ты не болел. И у тебя нет антител. И ты можешь быть бессимптомным носителем.

– Вы болели. У вас у самого есть антитела. Иммуитет.

– Нет. У меня его нет. В том-то и дело. – Полковник Гущин смотрел на Мамонтова. Глаза над маской. Взгляд такой... пристальный и прямой. – Парадокс. У всех тяжело переболевших есть, но не у меня. И врачи не знают, почему это, может, гены такие. А ты, значит, для меня смертельно опасен.

И он вдруг медленным жестом стянул маску на подбородок. И улыбнулся Клавдию Мамонтову отеческой благодар-

ной светлой улыбкой.

Глава 8

Чудо

– Это кто, по-вашему? – воскликнул схиигумен Афиноген.

И ткнул скрюченным пальцем в сторону ворот монастыря. Они все, как по команде, подчиняясь его властному окрику, оглянулись – и паства, и противники, и полиция, и телевизионщики.

В пустых воротах – приземистая фигура. Полная грудастая женщина в долгополой юбке с туго набитой хозяйственной сумкой на колесиках, которую она волочила за собой. А сейчас остановилась – сняла платок, обмотанный вокруг шеи, и начала повязывать его на голову «комсомолочкой». Клавдий Мамонтов успел заметить ее тусклые светлые крашенные волосы. На ней, кроме юбки и кроссовок, была черная футболка. Теплая вязаная кофта обвязана вокруг широкой талии.

Монастырские смотрели на нее изумленно и вроде как со страхом. Полиция с недоумением.

– Серафима... Это ты?! – тревожно-испуганно выкрикнула одна из монашек – противниц отца Афиногена.

– Я... а вы чего здесь все? Митингуете? – женщина с сумкой на колесиках выглядела удивленной.

– Так как же это... ты же... ты с того света, что ли, к нам? Вестником? Явление?

– Каким вестником? Наташа, очумела? Ты что так на меня смотришь? Что вы все на меня уставились?

– Тебя же убили! – воскликнула монашка страстно. – Они! Изверги! – Она ткнула в сторону схиигумена. – Они же тебя мученической смерти предали. Полиция здесь – арестовывает их за это!

– Как вас зовут? Назовите свое имя и фамилию, – громко попросил полковник Гушин.

– Серафима я... Воскобойникова... Николаевна по отчеству. А ты, Наталья, что плетешь, когда это меня убили... Типун тебе на язык!

– Вы откуда идете? Где вы находились все это время? – снова задал вопрос полковник Гушин.

– В Москву ездила, – ответила целая-невредимая Серафима Воскобойникова. – По делам.

– По каким делам? Вас не было в монастыре трое суток.

– А вам какое дело? Да вы кто такой, чтобы допрашивать меня? Я человек вольный, пострига не принимала и отчет никому не обязана давать. – Серафима подбоченилась. – Я у подружки ночевала – у сестры своей названной. Мы, детдомовские, на похороны нашего собрались. От «короны» он умер, несчастный. А мы все приехали – потому как брат наш. И там кого только не было – и юрист среди наших есть, и даже замкомандра этой... как ее... Гвардии! Я с ними пере-

говорила. Найдем на тебя управу, Афиноген! Думаешь, тихие мы, покорные? А ты творить можешь, что хочешь, и никто тебе не указ? Так у меня такие связи теперь! Вот позволю замначальнику Росгвардии – детдомовскому моему корешу, – она выхватила из кармана юбки мобильный, – так он мигом сюда спецназ пригонит – выкинет тебя с приспешниками из нашего монастыря!

– Мы полиция, – объявил ей Клавдий Мамонтов, – мы вам звонили на ваш номер. Почему вы не отвечали?

– Я с электрички слезала, мобила у меня трезвонила. Недосуг мне было. Да чего здесь стряслось-то без меня?

– Говорю же – вроде как убили они тебя, – уже тише объявила ей монашка, – Наши девочки тебя опознали... ну, тело твое... долго жить теперь будешь. И полиция сюда явилась его арестовывать, твоего убийцу – схиигумена с его бандой.

– Я ему так убью! – Монастырская Серафима-Иезавель бросила свою сумку на колесиках и зашагала к отцу Афиногену. – Ах ты, гнилушка подзаборная... я тебе так убью! Кувырком у меня полетишь, костей не соберешь... Бороденку твою всю по волоску повыдеру! Да ты что?! Ты со мной тягаться вздумал? Я до самого патриарха дойду, а выкурю тебя из нашего монастыря! Самозванец! Мерзавец! Еретик!

Монастырская Иезавель орала на весь двор, грозя увесистым кулаком хилому схиигумену.

– Господь порой совершает чудо, – философски изрек отец Афиноген. – Но лучше бы он его не совершал. Ну что,

есть у вас еще ко мне вопросы, господа-товарищи из полиции?

– Что же это такое, Федор Матвеевич? – тихо спросил начальник местного отдела у Гущина.

– Ошибка. Свидетельницы с перепуга обознались. Серафима Воскобойникова жива. А у нас женский неопознанный труп на перекрестке. И жертва необязательно из ваших мест. – Полковник Гущин направился к воротам. – Всем мероприятиям – отбой. Мы покидаем монастырь.

– Да, это уже здесь дела внутренние, церковные, – с облегчением согласился и начальник отдела. – Разбирайтесь без нас.

– Бросаете нас? – взвыли противницы схиигумена. – И это называется – полиция? Ноги в руки и бегом? А нас-то на растерзание еретикам оставляете? Ах вы, ироды, приспешники царя Новуходоносора! Семя антихристово!

Монашки окружили свою разгневанную Иезавель. Странники отца Афиногена сгрудились вокруг него, выпятив нечесанные бороды. Телевизионщики вели «прямой репортаж» и лезли в самую гущу событий.

– Вот поэтому я не хожу в церковь, – изрек Макарь Псалтырников. – Несмотря на то что в предках моих, судя по фамилии, наверняка имелся какой-то сельский дьячок.

– Значит, неопознанный труп, Федор Матвеевич? – осведомился Клавдий Мамонтов.

– И потерянное утро. – Гущин глянул на часы. – Начинаем

все сначала.

– А я бы не считал это утро потерянным, – заметил Макар.

– Почему? – спросил его Гушин.

– Так. Интуиция. Мы все равно узнали с вами и нечто весьма важное. Только мы пока не знаем, что именно.

– Твой кузен из Англии загадками изъясняется, – сказал Гушин Мамонтову.

– Да, он у меня такой, – согласился тот.

Глава 9

Кузен из англии.

Смертельные враги

Могут ли смертельные враги стать друзьями? Клавдий Мамонтов с некоторых пор задавал себе этот вопрос. Судьба порой открыто насмехается над пылкостью наших чувств, над гневом и порывами души – и подкладывает этакую свинью. Сентиментальную, нежную и пушистую.

После событий в Бронницах в доме на Бельском озере они с Макаром Псалтырниковым имели немало, что сказать друг другу⁴. Но разговор сам собой отложился до ноября – Макар улетел в Англию и забрал своих маленьких дочек, живших в поместье в графстве Девон под присмотром английской гувернантки и нянек. Он вернулся в Москву, закрыл доставшийся ему в наследство особняк на Бельском озере. Сначала снял квартиру в Крылатском, а затем купил особняк в Замоскворечье.

Они встретились вновь после его приезда – и опять в Бронницах. Оба согласились – пора, пора выяснять отношения! Час пробил. И это дело мужской чести.

В том овраге в лесу у озера они едва друг друга не убили.

⁴ Эта история рассказана в романе Т. Степановой «Циклоп и нимфа».

Но, к счастью, не убили... Ох, что было...

Катя, из-за которой все и случилось, о тех эпических событиях – об их дуэли! – даже не подозревала.

Мужики не рассказывают женщинам всей своей жизни, ни о своих фиаско, ни о ранах, ни о сломанных ребрах, ни о выбитых зубах.

Так считал Клавдий Мамонтов.

И Макар Псалтырников, который никогда ни в чем с ним прежде не соглашался, на этот раз не противоречил.

Ей не надо знать. Мы сами разберемся. Между собой.

Но вот как-то не разобрались они тогда! Слава богу, оба остались живы-здоровы, не считая переломов и выбитых зубов. И все подвисло – до того самого рокового марта, который стал не только началом Глобального карантина – великого домашнего заточения, но и месяцем судьбоносных перемен в жизни Макара Псалтырникова.

Все звезды сошлись в зените, все пути пересеклись в одной точке. Жена Макара Меланья в начале февраля по приговору суда получила десять лет за совершение покушения на убийство отца Макара и Кати с помощью яда. Она еще находилась в женской тюрьме, готовилась к этапу в Читу в колонию, когда у нее начались преждевременные роды.

Мальчик родился недоношенным, но здоровым и крепким, несмотря ни на что.

Сразу после родов Макар через своего адвоката уведомил жену о том, что он дает старт разводу, отложенному им до

рождения ребенка. Меланья в тюрьме подписала все документы, а потом ночью вскрыла себе вены куском припрятанной от надзирателей проволоки.

Ее спасли, перевели в тюремную больницу вместе с младенцем. Там она заразилась коронавирусом. Заболел и новорожденный ребенок.

Как только Макар получил от жены документы и согласие на развод, он сразу поехал к Кате.

Что там у них точно произошло, Клавдий Мамонтов не знал. Макар не сказал ему. Как, впрочем, и сам он не делился с ним подробностями своих сердечных дел.

Он знал лишь, что Макар уже официально попросил Катиной руки.

И Катя ему наотрез отказала.

В тот мартовский вечер Макар на своей машине рванул в Бронницы – в запертый и заколоченный отцовский дом. Он был вдребезги пьян. Не справился с управлением и с эллинга для яхт и каноэ въехал на своем внедорожнике прямо в Бельское озеро.

Дорогая крутая тачка ушла на дно как камень.

Макар из ледяной мартовской воды выплыл.

Узнав о случившемся, Клавдий Мамонтов (все же он числился в Бронницах сотрудником ГИБДД, хотя свободные от командировок дни проводил в тихом отделе регистрации за компьютером) сам выехал на место аварии.

Он забрал пьяного мокрого Макара и отвез его домой в

особняк в Замоскворечье. Встретил там горничную Машу, знакомую ему еще по событиям в Бронницах. Располневшая сердобольная пятидесятилетняя горничная опять была при Макаре – исполняла в доме работу помощницы по хозяйству и няньки для маленьких дочек Макара. Клавдий Мамонтов познакомился и с ними, и с чопорной старой учительницей английского, нанятой Макаром гувернанткой к детям.

С Макаром с того злополучного дня случился его очередной алкогольный штопор. Он пил и не просыхал. И никто ничего не мог с ним поделать.

Клавдий Мамонтов оставил старухе-гувернантке свой номер мобильного, и та проявила бурную деятельность – сначала связалась с семейным адвокатом Псалтырниковых, затем позвонила Мамонтову.

С помощью адвоката Макара изъяли как вещь из-под родного крова в замоскворецком особняке и поместили (против его воли) в закрытый фешенебельный рехаб для алкоголиков и наркоманов в поселке Лесные Дали.

На следующий день рехаб закрылся на полный карантин по случаю вируса. Еще через три дня объявили карантин по всей стране.

В рехабе Макара полтора месяца лечили от алкоголизма, купировали запой, приводили в чувство.

В этот момент в рехабе один за другим начали заболевать коронавирусом пациенты, заражая друг друга.

Макар заболел в конце апреля. И болел тяжело – три неде-

ли у него не спадала высокая температура. Еще две недели он ощущал дикую слабость и одышку. В больнице он не лежал. Рехаб на тот момент сам напоминал закрытую инфекционную клинику.

После выздоровления он хотел сразу покинуть рехаб, однако вновь оказался в контакте с пациентами, у которых был выявлен вирус, и опять был вынужден недели проводить в карантине. Так продолжалось до конца мая. Рехаб все больше напоминал фешенебельную тюрьму, пациенты – алкоголики и наркоманы психовали. Кто-то даже грозил сжечь ненавистный рехаб дотла.

В конце мая Клавдию Мамонтову на мобильный неожиданно позвонил сам Макар.

Не поздоровавшись, он произнес:

– Адвокат хочет забрать у Меланьи из тюрьмы моего маленького сына – под свою опеку. Адвокат – старый друг моего отца, он считает, что так поможет нам всем. И что сын мой вместе с его матерью-убийцей не отправится по этапу в Читу в женскую колонию. А я хочу, чтобы мой сын был со мной. Но я заперт в клинике для алкашей, понимаешь ты это, Клавдий? Мне – такому – никто ребенка не отдаст.

Клавдий... Клава... помоги мне... ты мент... сделай что-нибудь, помоги... Пожалуйста. Мне некого больше просить. Адвокат – старый сентиментальный дурак. И он считает, что я конченный человек. Алкаш.

Но я отец своего ребенка... я отец своих детей... у меня,

кроме них, никого нет, понимаешь? Ни здесь, ни в Англии... И я смертельно боюсь за своего сына, я боюсь оставить его со своей бывшей. Один раз она вскрыла себе вены, она может это повторить. Она может убить и себя и ребенка!

Клавдий, я прошу тебя... Женщина, которую я люблю больше жизни, – ты знаешь кто это, не хочет меня. Она меня отвергла. А я гордый парень, Клавдий. Клава, я такой же гордый, как и ты... Я не могу ее просить помочь в таком деле.

Я прошу тебя – своего врага, своего соперника, я прошу тебя, сволочь ты такая, перешедшая мне дорогу в самом главном, укравшая мое счастье... я тебя прошу – помоги мне ты.

Ты мент. Ты весь из себя такой правильный. Тебе и адвокату отгадут моего маленького сына. А ты забереешь его у адвоката, уговоришь, убедишь его и привезешь моего сына мне. Домой.

Клавдий Мамонтов слушал по телефону весь этот его горячечный бред.

В рехабе спиртного не достать, это исключено. А Макар говорит как пьяный. Или у него опять температура подскочила? Может, у него рецидив ковида там? Или он до такой степени взволнован – убит, расстроен... Он в беспредельном отчаянии, поэтому обращается за помощью к своему сопернику и смертельному врагу?

– Ладно. Сделаю что смогу. Диктуй телефон своего адвоката, – коротко ответил Мамонтов.

И он сделал невозможное. Он надел свою полицейскую форму и пошел по всем инстанциям, начиная от службы исполнения наказаний, тюремной администрации и кончая органами опеки и соцзащиты. Он подключил к этой эпопее своего начальника майора Дениса Скворцова, который был тайно и безответно влюблен в жену Макара Меланью – убийцу и отравительницу, редкую красавицу. Доказывал ему – ей в женской колонии без ребенка может будет и хуже, но ребенок будет избавлен от всего этого! Вдвоем со Скворцовым и вместе с адвокатом они горы своротили.

Клавдий Мамонтов в полицейской форме вместе со стариком-адвокатом, имевшим пропуск на передвижение во время карантина, приехали в женскую тюрьму. И надзирательница с врачом выдали им маленький запеленутый конвертик – голубое одеяльце, перевязанное ленточкой.

Клавдий Мамонтов заглянул в конвертик. Младенец смотрел на него со спокойным философским любопытством. Ну, привет... вот и я нарисовался в твоей жизни. Все путем, да?

Глазки у ребенка – голубые, как у Макара.

Чужой ребенок...

– Как его зовут? – спросил Клавдий Мамонтов.

– Мать... она назвала его Макаром. – Старый адвокат вздохнул. – Так и в свидетельстве записали о рождении первоначально. Но отец... он категорически против этого имени. Он не хочет ничего от нее. Даже этого. Макара меня спра-

шивал – можно ли официально изменить имя новорожденного? Он назвал его Александром. Сашей. Мы потом оформим свидетельство о рождении.

– Его отца Савва звали.

– Наверное, это в честь Пушкина, – усмехнулся адвокат. – Сашенька! Мы его с вами, молодой человек, так и будем называть.

Клавдий пылко объяснил старику-адвокату, почему он не оставит ребенка под его опекой, а отвезет сейчас домой к Макару. Получилось очень путано, сбивчиво...

– А вам-то что за дело, молодой человек? – спросил его адвокат. – Вы же совсем посторонний. Не родственник.

Клавдий снова начал – поймите, это ему поможет, это ему сейчас необходимо... ребенок... сын... И потом Макар давно уже не пьет – сколько месяцев он сидит в этом рехабе, он излечился от пьянства... И вообще сейчас такое время, когда дети должны быть при родителях, а вы – пожилой. Вы сами в группе риска, мало ли что...

Адвокат лишь покачал головой и объявил:

– Хорошо, по документам до выхода отца из клиники опекун младенца я, но пусть он живет дома – там ведь и нянька вроде как есть...

Клавдий Мамонтов забрал у него Александра – Сашеньку и на своей машине повез в Замоскворечье. Младенец не плакал. Он вообще был очень тихий. Этакая маленькая вещь в себе.

Дочки Макара, горничная Маша и старуха-гувернантка встретили нового члена семьи, переполошившись до крайности.

– Да как же это будет теперь все? – причитала горничная Маша. – Ой, какой хорошенький... вылитый папа... Но как же это? Я с девочками управляюсь, конечно. Но с такой крохой... Я ведь и замуж не выходила, и детей у меня своих нет. Я и не знаю, как с ним – таким малышом обходиться.

– У меня трое внуков было, я их всех вырастила, не боги горшки обжигают, – ответила старуха-гувернантка. – Я знаю, как надо с маленькими детьми. Но я пожилой человек. У меня силы уже не те. Нужна квалифицированная нянька! И вообще, когда, наконец, их отец появится здесь, в своем доме?

– Он пока лечится, – уклончиво ответил Клавдий Мамонтов.

– Ребенок на искусственном вскармливании? Как давно он ел? – спросила старуха-гувернантка.

– Я не знаю... ох, вот тут дали полное его приданое! – Клавдий Мамонтов сунул им свой баул бодигардовского образца, в который в тюрьме сложили «детское приданое» – какие-то бутылочки, одежду, ползунки, памперсы, чепчики, кофточки, погремушки, некое устройство для подогрева бутылочек, одеяло, матрасик.

Он передал ребенка Маше. Младенец завертел головкой в вязаном чепчике и заскрипел недовольно.

– Уже привык у вас на руках. Думает, что это вы его отец, –

изрекла старуха-гувернантка и сверкнула на Клавдия Мамонтова очками. – И вы тоже привыкайте. Не за горами дело-то – сами папой, возможно, скоро станете.

Да никогда в жизни!

Клавдий Мамонтов вылетел из особняка как пробка из бутылки.

Позвонил Макару.

– Все. Сделал. Дома твой пацан. Окружен заботой.

– Спасибо, – ответил Макар. – Никогда этого тебе не забуду.

– Лучше забудь.

– Сколько я тебе денег должен?

– В морду дам. Ты опять за свое?

– Нет! – воскликнул Макар. – Я не в этом смысле. Но ты же хлопотал. Что, разве никого не подмазал, чтобы разрешили?

– Все бесплатно получилось. Пока.

– Подожди... а какой он?

– Красавец, как ты. – Клавдий Мамонтов усмехнулся. – Глазенки такие... синие, а иногда голубенькие... И не плакал совсем, представляешь? Мы долго там возились с адвокатом. Пока бумаги все проверили, подписали. А он молчок. И в машине я его вез. На коленях держал, рулил одной рукой. Он не орал. А я думал, они плачут постоянно в таком возрасте.

– Мы – Псалтырниковы. Мы не плачем, – заявил ему Макар. – У нас здесь опять заболели. Я пока сижу. Неделю еще

точно.

Они помолчали.

– У меня пропуск как у полицейского, я передвигаться могу, – объявил ему Клавдий Мамонтов. – Они там у тебя сидят тихо-спокойно, дома, никуда не выходят. Все здоровы – дочки твои и обслуга. Я им завтра продуктов привезу.

– Спасибо тебе.

– Карантину скоро конец.

– Да, я слышал. У нас здесь интернет – окно в мир. Телик нам, как на Канатчиковой даче, мозгоправы вырубил. Не разрешают.

– Выбирайся домой. Ты им всем нужен, – сказал Клавдий Мамонтов и дал отбой.

Он думал – все, они расстались с Макаром.

Но не тут-то было.

В день отмены общего карантина закончился и карантин в рехабе, и Макар отправился домой.

Через неделю – как раз вечером после звонка Мамонтову от Гущина позвонила и старуха-гувернантка.

– Вы его друг, – объявила она торжественным тоном. – Негоже бросать друзей в беде.

– Я ему не друг. Мы просто знакомые, мне вообще все равно. – Клавдий Мамонтов опешил. Что там еще у них?

– Приезжайте немедленно. Иначе он опять сорвется. Алкогольный угар, рецидив! Мы пытались с Машей на него повлиять. Нас он нас не слушает. А он ведь отец троих детей!

– Но я...

– Только вы можете вырвать его из того крошечного мрака, в котором он пребывает, – заявила гувернантка. – Кому вы говорите, что вам все равно? Мне? Молодой человек, я повидала на своем веку многое. Вы же закадычные друзья с моим нанимателем. Вы бы видели себя со стороны, когда привезли его Сашеньку к нам.

И Клавдий Мамонтов отправился в особняк в Замоскворечье. Он прочел название тихого переулочка, где тот находился – Спасоналивковский. Ну, конечно, в другом месте Макар просто не мог поселиться!

Голоса девочек из детской...

Аромат выпечки с кухни...

Купеческий особняк, где раньше располагался коммерческий банк, «схлопнувшийся» и выставивший на торги всю свою недвижимость.

Макар Псалтырников в рваных джинсах и заляпанной пятнами бренди толстовке сидел в пустой комнате в глубине дома.

Бутылки на полу. В комнате – черный рояль «Беккер», чем-то похожий на тот – в доме на Бельском озере. И еще кожаное кресло, куча книг – на полу, на широком подоконнике.

– Снова ужрался? – грубо спросил его Клавдий Мамонтов. – Ты чего творишь? Ты только из клиники. У тебя здесь дети малые.

– Я тебя убить хотел. – Макар уставился на него тяжелым взглядом. – Там, в овраге, не вышло... эта наша с тобой дуэль... А ты здоровый бугай, Клава... Но я тебя убить жаждал. Нанять хотел киллера, чтобы тебя, гада, на тот свет он отправил.

– Чего же не нанял киллера?

– Не нанял вот.

– Пожалел, что ли, меня?

– Нет. – Макар смотрел на него. – Я тебя ненавижу. Но это было бы подло – убить тебя не своими руками, а чужими.

– Опять допился до чертей.

– А ты такой альтруист, Клава, да? Сына моего спас.

– Вот жалею теперь, что привез ребенка папаше-алкоголику, который не то что о детях своих, о себе позаботиться не в состоянии.

– Я ей звонил ночью, – сказал Макар. – И прошлой ночью. И позавчерашней. Она мне не отвечает. Она плюет на мои звонки, на мои мейлы. Это ты там с ней был?

– Нет.

– Нет?

– Мы вообще с ней давно не виделись. Я ей не нужен так же, как и ты.

Макар с усилием выпростался из кресла.

– Лжешь. Ты с ней сейчас. Вы вместе. Поэтому она так со мной.

– Нет. Мы никогда с ней не были вместе. Она сама по се-

бе. Я сам по себе. – Клавдий Мамонтов тяжело вздохнул. – Честное слово.

Макар вдруг подпрыгнул высоко, словно подбросил свое мускулистое тело в воздух как пружиной. И сделал боковое антраша, как в оперетке.

– Дурак набитый, – хмыкнул Клавдий Мамонтов.

Макар смотрел на него. Он улыбался.

– Прекрати пить. Возьми себя в руки.

– Я пропадаю от безделья, – признался ему Макар. – Эти долгие месяцы в рехабе... я стал такой тупой и ленивый.

– Ну да, у тебя денег куча. Работать не надо за кусок хлеба. Но у тебя дети – дочери, сын.

– И еще у меня жена-отравительница, убийца моего отца. Развод. Еще у меня незаживающая сердечная рана и... Слушай, а чем ты все это лечишь? Ну, ты знаешь, о чем я. Чем это лечится у тебя?

– Работой, – отрезал Клавдий Мамонтов. – Я занят по горло. Мне с тобой нянчиться некогда. У нас такие дела на работе странные...

– В ментовке твоей? Опять убийство расследуешь?

– Не пойми чего пока, – честно признался Мамонтов, вспомнив полковника Гущина в маске и перчатках.

– Слушай... а возьми меня в дело?

– Как это?

– Ну, чем дома баклуши бить, я бы тебе помог. Я же должен с тобой как-то расплатиться за твое великое благодея-

ние?

Клавдий Мамонтов хотел его матом послать – далеко и надолго. Но внезапно глянул на рояль, на пустые бутылки на полу. На одну до половины уже выпитую на крышке рояля. На землисто-бледное лицо Макара.

– Черт с тобой, – сказал он, не узнавая сам себя. – Ладно. Но это работа, понял? Тяжелая оперативная работа. Это тебе не лондонская тусовка, по которым ты всю жизнь таскался.

– А я работы не боюсь, – ответил Макар. – Ну чего, берешь меня в напарники?

– Да. Только сначала делаю вот так. – Клавдий Мамонтов забрал бутылку и опрокинул ее, выливая дорогой шотландский скотч на пол – прямо на воощеный паркет.

Макар смотрел, как льется его виски.

На следующее утро Клавдий Мамонтов перед работой сам позвонил полковнику Гущину.

– Федор Матвеевич, я согласен на все ваши условия. И уговор буду соблюдать. И вопросов постараюсь лишних вам не задавать. Но я сейчас занят устройством дел моего кузена.

– Какого еще кузена? – Гущин надсадно закашлял на том конце.

– Из Англии. Мой кузен Макар. Он в сложной жизненной ситуации. Я его оставить одного не могу. Я и вас оставлять не хочу. А это значит – надо как-то совместить. Пусть он будет при мне – ну, у меня на глазах. Он нам с вами не помешает. Может, даже пригодится. Он в Англии учился и вообще па-

рень продвинутой. Умный. Будет у меня как помощник. А я стану помогать вам. И он тоже, следственно.

Удивительно, но полковник Гуцин на «кузена из Англии» никак не отреагировал. Словно этот вопрос посчитал совсем не важным. А когда они с Макаром (протрезвевшим и гладко выбритым) явились к нему – принял кузена из Англии вполне толерантно.

Глава 10

Первобытное

– Труп не имеет никакого отношения к событиям в монастыре, – констатировал полковник Гуцин.

Перед тем как отправиться в местный морг на вскрытие, он велел Клавдию Мамонтову везти их всех опять на место убийства. Они были сейчас на лесном перекрестке абсолютно одни. Солнце стояло в зените. Жара усилилась, парило и дышалось с трудом – где-то собиралась великая гроза.

Клавдий Мамонтов созерцал Пужалову гору с венчающим ее мятежным монастырем. Средневековые стены его выкрашены свежей белой краской. Июльское солнце. Мертвая тишина леса. Даже птиц не слышно.

– Это место какое-то секретное, – заметил Макар. – Ни с автотрассы перекресток не видно, ни со стороны монастыря. И от автобуса идти прилично. Перекресток известен местным жителям. Его и по карте в Гугле не определишь – дорога, просека, тропа. Там такое не отображается. И здесь странное чувство...

– Что за странное чувство? – Полковник Гуцин сдвинул маску на подбородок, снял наконец постылые перчатки и осматривал на дороге следы протекторов, с которых эксперты сняли силиконовые слепки, правда, толку от них будет

мало – следы протекторов сильно смазанные.

– Первобытное. – Макар оглядывал перекресток, кривую сосну, опушку леса. – В этом месте совершенно не чувствуется цивилизация. Линия ЛЭП отсюда далеко, жилья поблизости нет.

– В России, в отличие от твоей Англии, полно таких мест – диких, где не чувствуется цивилизация. Это в Англии у вас по квадратикам все распаханно и засеяно. А у нас – степь-ковыль. – Полковник Гушин подошел к кривой сосне и задрал голову. – Женщина была жива, когда ее вздергивали. Однако без сознания. Ей надели петлю на шею. Закинули конец веревки на тот сук и сильно потянули. Тело вешали из положения лежа. А здесь след волочения. За ноги тащили от машины к сосне. Вздернув, обмотали конец веревки вокруг ствола и закрепили узлом. И все это ночью в темноте.

– Убийца на машине приехал сюда, включил фары, дальний свет, – сказал Клавдий Мамонтов.

– Да, так и было. И свет отпугнул лесную свору. А потом собаки пришли сюда и... тут что-то произошло. Было ведь еще животное. Вроде тоже собака растерзанная. – Гушин оглядывал ствол со следами собачьих когтей.

– Собаки могли перегрызться из-за пластика со следами крови. Убили одну из стаи и съели.

– Или этот пес был не из стаи. – Гушин оглядел опушку. – Его тоже сюда привезли и бросили на перекрестке. Макар, они сейчас здесь? Наблюдают за нами?

– Собаки? Нет. Их нет. – Макар смотрел на деревья. – Они спят в чаще – в ямах под корнями, под лапами елей. Они уже больше не домашние, Федор Матвеевич, это дикие псы. Ночные хищники. Стигийская свора... хотя на собак Аида они вроде как и не тянут пока, а?

В морге в бюро судебно-медицинских экспертиз полковник Гуцин снова удивил Клавдия Мамонтова. По прежней работе с полковником Мамонтов отлично помнил – Гуцин не выносил присутствовать на вскрытии. Делал это всегда через силу и почти лишался чувств, так что ему – толстому и здоровому мужику – сразу совали под нос ватку, смоченную в нашатыре.

Но сейчас полковник был уже не толстый и не здоровый. И не такой, как прежде. Он направился в прозекторскую с каким-то даже видимым облегчением.

– Самое безопасное место сейчас, – сообщил он с энтузиазмом. – Они там все кварцуют через каждые десять минут. Обеззараживают.

– Останься. Подожди нас в коридоре – зрелище не для слабонервных, – обратился Мамонтов к Макару.

– Я в анатомическом театре бывал, когда в Кембридже учился, ходил на лекции по медицине из чистого интереса. – Макар так и пер в прозекторскую вслед за Гуциным.

В морге они все, исполняя предписание, надели маски и перчатки. Судмедэксперт дал им пахучую эвкалиптовую пасту против трупной вони – намазать под носом.

– Вы осмотрели уже тело детально? – спросил полковник Гушин патологоанатома. – Что вы можете нам поведать? Что рассказал наш неопознанный труп?

– Женщина в возрасте примерно сорока пяти – сорока девяти лет, повышенной упитанности, славянской внешности. Не спортивного типа. Размер обуви тридцать седьмой. Примерный размер одежды – пятьдесят второй, – патологоанатом взял мертвую за руку. – Принадлежит к среднему классу. Я еще там, на месте убийства, подумал – она вряд ли монашка.

– Почему? – Гушин из-под своего щитка и маски глядел на патологоанатома, который нацепил собственную рабочую маску из пластика.

– У нее маникюр – сами взгляните. Так называемый французский маникюр – на ногти нанесен прозрачный лак телесного цвета.

– Но она не производит впечатления ухоженной женщины.

– После трех месяцев взаперти кто из нас выглядит ухоженным? – хмыкнул патологоанатом. – Ее связывали скотчем. На запястьях следы клея от скотча и на лодыжках тоже. Ни с чем не спутаешь – клейкая лента. Потом, перед повешением, скотч убрали.

– От чего она умерла?

– Механическая асфиксия.

– А время смерти?

– Судя по состоянию тела – давность 18–20 часов. Ее убили между двумя часами ночи и половиной четвертого.

– Сейчас светает рано. Перед рассветом?

– В самый темный глухой час. – Патологоанатом взял с железного приставного стола что-то похожее на долото с загнутой рукояткой. – Тому, что она из среднего класса и располагала финансами, я нашел подтверждение в ее ротовой полости.

Он сунул железку в рот трупа, надавил, разжимая зубы, затем еще раз с силой нажал и ударил кулаком в перчатке по рукоятке. Раздался хруст, от которого у Клавдия Мамонтова заледенела кровь. Нижняя челюсть пошла вниз. Покойница широко распялила рот.

Макар Псалтырников отпихнул Мамонтова и буквально ввинтился между Гущиным и экспертом, прилипая к цинковому столу, где распласталась покойница. Он выказывал к происходящему живейший интерес! Заглядывал мертвой в рот.

– У нее спереди два импланта. – Патологоанатом постукал пальцем в перчатке по зубам мертвой. – А если дальше заглянуть... на задних нижних зубах фарфоровый мост. Все вместе это дорогая работа дантистов. И ниточка – пусть и призрачная – для нас к опознанию тела.

– Какая-то особая зубная работа? – спросил Гушин.

– Сложная. Я с такими вещами сталкивался. – Патологоанатом вытащил свой пыточный инструмент изо рта мерт-

вой. Она так и осталась с открытым ртом. – Не все зубные клиники это делают в комплексе – я имею в виду, и фарфоровый мост, и импланты.

– Проверим, конечно. Особые приметы? Татуировки? Хирургические шрамы?

– Ничего такого нет. – Патологоанатом созерцал голое тело. – Ну-с, приступим к главному.

Он потянулся за пилой.

Клавдий Мамонтов тихонько переместился за спину Гущина. Он уверял себя, что спокоен и непробиваем, как танк. И отступил лишь потому, что готов подхватить полковника, если тот вдруг начнет падать в обморок.

Но Гущин не выказывал никаких признаков смятения или беспокойства. Он и правда кардинально изменился!

Визг пилы... Трупные газы... Эта вонь... от нее не спасает эвкалиптовый ароматизатор...

Вскрытие тела... Все продолжалось очень долго.

Бесконечно долго.

Клавдий Мамонтов потерял счет времени.

– Потерпевшая принимала пищу. Глянем на содержимое ее желудка. – Патологоанатом вытащил нечто и водрузил в фаянсовый лоток. Рассек скальпелем. – Почти переваренная субстанция. Это означает, что последний прием был примерно за пять-шесть часов до ее смерти. Ужин. Видите это? Ни с чем не спутаешь. Это кофе с молоком. Затрудненное переваривание, как обычно. Она вечером пила капучино или латте.

– Не уборщица. Не на рынке торговала. – Гущин кивнул. –
Определенный социальный статус. Она рожала?

– Нет, судя по состоянию ее матки. И следов полового акта нет. Повреждения влагалища отсутствуют. Она не была изнасилована.

– А раны на ее ягодицах?

– Ножевые, как я и сказал. Прижизненные. Разной глубины.

– То есть ее полосовали ножом?

– Резали, тыкали острием. Налицо обильная кровопотеря.

– И при этом она была связана скотчем по рукам и ногам?

– Да.

– Пыль в ее волосах?

– Есть. – Патологоанатом провел окровавленной рукой в перчатке по волосам мертвой. – Мы на месте сразу взяли образцы. И содержимое под ее ногтями. Борьбы с ее убийцей не было. Она не сопротивлялась.

– Как с ней справились? Ударили по голове? – Полковник Гущин наклонился над лицом мертвой.

– Нет следов ударов. Какой-то иной способ был выбран. Анализ крови, возможно, что-то покажет. Возможно, ей что-то дали. Алкоголь, наркотик.

– У нее на теле есть шерсть?

– Шерсть?

– Волоски, возможно, пристали к коже.

– Да, мы нашли несколько волосков. Рыжие.

– А следы укусов?

– Отсутствуют.

– А что с останками животного, которое обнаружили там же, на перекрестке? – спросил полковник Гушин. – Вы их уже исследовали? Что это за животное?

– Все в соседнем помещении, мой помощник занимается. Но там мало что осталось. Что за зверь, ДНК точно не покажет нам.

– Почему?

– Потому что беднягу растерзали на клочки. И это сделали бродячие собаки. А это значит, доминирует их ДНК. Но я и без анализов скажу вам – это пес. Задняя часть скелета сохранилась. Голова отсутствует. Порода, возможно, спаниель. И еще: собака была живой, когда ее оставили на перекрестке. Но покалеченной.

– Покалеченной? – Полковник Гушин смотрел на патологоанатома.

– Я, когда останки осматривал, обратил внимание, у собаки сломаны обе задние лапки. Закрытый перелом, и при этом нет следов укусов. Убежать с перекрестка бедняга не могла. Она могла только ползать в пыли.

Глава 11

Мандалорцы. Психоз № 7

В прозекторской они пробыли до семи вечера. Затем полковник Гуцин по телефону раздал указания местным полицейским. В отдел полиции он так и не заехал. Сказал Клавдию Мамонтову с Макаром:

– Теперь по домам. Отдыхать. Здесь все равно все застопорилось. Пока не установят личность жертвы, дальше мы не двинемся.

Клавдий Мамонтов помнил, как прежде полковник Гуцин буквально «дневал и ночевал» на работе. И чтобы он просто так оставил такое дело... повешенную на сосне женщину... и отправился домой спать? Но, видно, придется привыкать и к этому.

Они поехали в Москву по пробкам. Завезли полковника Гуцина домой – после развода он приобрел себе двухкомнатную квартиру на Юго-Западе в новом жилом комплексе.

– Федор Матвеевич, за вами утром завтра заехать? – спросил Клавдий Мамонтов. – Я подумал – как вы до работы добираетесь? Неужели на метро?

– Такси беру, – сухо ответил Гуцин.

– Сажусь в такси и надеваю противогаз, – хмыкнул Макар.

Гуцин на него только глянул.

– Тебя сейчас закину и поеду, – сказал Мамонтов, когда они уже были на пути в центр города. – А полковнику не дерзи.

– Бывший крутой, да? – усмехнулся Макар. – А теперь он кто?

В Замоскворечье в Спасоналивковский переулок заявились только в девять вечера. Дверь особняка им открыла горничная Маша. За ее спиной – девочки, дочери Макара – шести и трех лет.

– Dad, hi! – младшенькая прыгала, как кузнечик.

– Ты по-русски давай, мы как с тобой договорились? – Макар улыбался.

– Прииииветик!

На Клавдия Мамонтова повеяло ароматом сдобы и корицы. В доме Макара снова что-то пекли. Клавдий Мамонтов прикидывал – куда податься, где переночевать? К родителям? За время карантина он приезжал к ним редко – только доставить продукты. И то, словно курьер – звонил и оставлял пакеты у двери. Общался с отцом и мамой только по телефону и по видеозвонкам, боялся заразить их, сам того не желая. Да и после карантина жить он у них не хотел – страх стать источником заражения по-прежнему сидел в нем крепко. Он решил снять номер в дешевом отеле на ночь. А завтра постараться найти в интернете квартиру на съем.

– Все. Спокойной ночи. Приятных снов. Я поехал. – Он развернулся.

– А ты куда сейчас? – спросил его Макар. – К предкам?

– Нет, в отеле номер сниму.

– А чего в отеле? Слушай. – Макар преградил ему дорогу. – Глянь, какой домина. Купец Расстригин его давно построил. Перед продажей многое переделали – был же у банка дом представительский и отель для своих. Тринадцать комнат и терраса на заднем дворе – вид на Французское посольство. Оставайся. Нам же завтра утром вместе ехать к этому твоему – менту-чудиле. Чего зря бензин жечь? Здесь при доме подземный гараж, загонишь свой гроб на колесах сейчас туда. Поужинаем с тобой. С детьми моими познакомишься поближе. Они о тебе все спрашивали – дочки. Комнату любую себе выберешь гостевую. И живи на здоровье.

– Нет. Исключено.

– Остайся. – Макар смотрел на него.

– У нас рассольник с уткой на ужин, – сообщила горничная Маша. – И пирогов я напекла с капустой и с мясом.

Клавдий Мамонтов глянул на Макара, на девочек, на толстую сердобольную горничную. В холл особняка вышла и гувернантка – учительница английского семидесятилетняя Вера Павловна.

– Марш мыть руки сразу, – приказала она громко. – Оба. Вы откуда явились? Вы с улицы явились. Слышали, что все говорят – пришел домой с улицы, первым делом вымыл руки. Гигиена в период эпидемии превыше всего.

– Пошли. – Макар тихонько подтолкнул Мамонтова в дом,

шепнув: – Я покажу, где у нас ванны. Тоже выбирай любую, кроме той, что старуха уже себе застолбила.

Вот так и получилось – нежданно-негаданно, что Мамонтов остался жить под кровом своего смертельного врага и соперника.

После ритуала омовения рук Макар повел его по дому. Девочки следовали за ними как нитки за иголками.

– Красоток моих видел уже? – Макар кивнул на дочек. – Старшая Августа. Названа в честь сестры лорда Байрона. Я к ней со школы равнодушен был. Младшенькая Лидочка – сорванец мой. Назвал ее в честь матери своей покойной.

– Привет. – Мамонтов улыбнулся малышам.

Он знал, что старшая дочка Макара – Августа – ребенок не совсем обычный, с задержкой развития. Августа всегда молчала. Внимательно созерцала мир темными, как у матери, глазами. Лидочка была копией Макара – светловолосая и синеглазая. Этаким живчик. Она считала родным английский и по-русски начала говорить с ошибками только после переезда из Англии в Россию.

– Имя какой твой? – спросила она деловито.

– Клавдий. Был такой римский император давно.

– Я знать, – трехлетка кивнула. – Я знать Ceasar, Neron, Vespasianus – он собирать дань с тойлетс... shit⁵. Знать твой Claudius – он воевать Англия и знать Адриан – он любил Антиной.

⁵ Дерьмо (англ.).

Мамонтов потерял дар речи.

– Античность она учит с тех пор, как говорить стала, – пояснил Макар. – Классическое образование – оно чем раньше, тем лучше. В Англии так. Всех олимпийских богов уже знает. Но предпочитает парней типа Марса теткам типа Юноны. Да, мой орелик сизокрылый?

– Да! – Кроха-гений заплясала на тоненьких ножках. – Августа планшет рисовать. Прогресс!

– Августа нарисовала в планшете, так будет правильно по-русски. Что нарисовала?

– Мы показать! – Лидочка ухватила инертную старшую сестренку за руку и потащила ее вглубь дома в детскую.

– Здесь гостиная, там спальни, комната девочек, комната Веры Павловны. Там вторая детская – где малец мой, и Маша рядом с ним поселилась теперь, – показывал Макар. – А это моя берлога.

Клавдий Мамонтов оглядел просторную комнату – стеллажи, полные книг. Ящики не распакованные, сундуки антикварного вида. Низкий столик, два кожаных дивана. Книги на полу. Теннисная ракетка. Фехтовальные рапиры на стене. Антикварный глобус. У стены – рыцарь, доспехи. Шлем, забрало... и рядом – совсем маленький рыцарь – доспехи, как на ребенка.

– Из Англии все привез? – спросил Клавдий.

– Да, барахло свое. Это мой детский. – Макар кивнул на маленького рыцаря. – Теперь Лидочка надевает, вооружает-

ся. Мы с ней в прошлом году на реконструкции битвы при Гастингсе так отрывались весной, когда шоу еще организовывали.

– Ей же было всего два года.

– Ну и что? Я ее брал с собой. Как свой талисман. Туда фанаты и грудных детей берут. Пусть привыкают. Путь война.

– Ну, ты даешь. Папаша. – Клавдий Мамонтов хмыкнул. – И на мечях она фехтует, скажешь?

– А то, сам учу! И Сашку потом выучу, как подрастет. А ты чего усмехаешься? И ты учись, пока я жив, как с детьми обращаться. Как воспитывать разносторонне.

– Ужин готов. – Горничная Маша заглянула в «берлогу». – Когда вы все только это уберете, Макар? Мне с пылесосом здесь не развернуться. Что не нужно из вещей – в кладовку надо отнести.

– Я разберусь, разберусь, Машенька, вы не волнуйтесь. – Макар поднял руки с раскрытыми ладонями. – Как там пацан мой?

– Спал весь день. И кушал хорошо, – доложила Маша. – Сейчас бодрствует. Погремушками занят, Вера Павловна говорит – он на все, в том числе и на игрушки, очень активно реагирует. Я его оставила – радионяню включила. Вечером и ночью уж вы сами с ним. Мне выспаться надо. И Вере Павловне тоже. Мы не железные ведь.

– Конечно, конечно, я его к себе из детской заберу, всю

ночь буду как штык... кормить его надо будет?

– Я там вам список составила, когда давать – все по часам.

Подогревать надо сначала бутылочки.

– Хорошо. – Макар кивнул. Светлые волосы упали ему на лоб.

За стол все взрослые сели вместе. Дочки Макара давно уже покончили с ужином. Вера Павловна дала им по их английской привычке по стакану теплого молока с печеньем перед сном.

И за ужином Клавдий Мамонтов убедился, что идиллии нет и в этом богатом странном доме в Замоскворечье, где часть уклада на английский лад.

– Что с нянькой? Вы звонили в агентство? – спросил Макар Веру Павловну.

Та ела чопорно и манерно. Клавдий Момонтов подумал, что старуха до боли напоминает пародию на английскую гувернантку из старого фильма по чеховским рассказам, где ее – даму в очках – играл Игорь Ильинский.

– Это бессмысленное занятие сейчас. – Вера Павловна промокнула губы салфеткой. – Предлагают нянек из Средней Азии. У них ни медсправок, ни страховки, ничего. И тесты они не делают на ковид. Я бы не доверила им малыша по целому ряду причин. Нашли еще двоих – эти москвички. Но они заявили, что жить в доме не могут, мол, приходящий график у них – отдежурил свое при ребенке – и хвост трубой. Я это сразу отмела – сейчас так невозможно. Мы все сидим

здесь, в доме, словно в социальном пузыре. Мы никуда не ходим. И чужие к нам не ходят, мы добровольно ограничили все наши социальные контакты. Доставка приезжает, курьеры – слава богу. Девочки наши дома. От развивающего садика Монтессори, который Лидочка раньше, до карантина, посещала, я отказалась наотрез. Вы знаете, что сейчас именно дети – главные источники заразы?

Клавдий Мамонтов, уплетавший вкуснейшую кулебяку с мясом, едва куском не подавился.

– Это почему же? – спросил он гувернантку.

– Потому что они болеют без симптомов, молодой человек. Вы что, телевизор не смотрите? Они заражаются друг от друга. Сами переносят болезнь легко или вообще даже не выглядят больными. Но заражают нас, пожилых, таких, как я. Я звонила своим коллегам – в московских школах брожение. Пожилые учителя боятся начала учебного года. Это впервые такое в нашей истории. Вы понимаете?

Клавдий Мамонтов слушал. Безумие какое... неужели это правда?

– Но вы же работаете здесь, – сказал он.

– Потому что дети дома постоянно. И никуда не выходят. Только на задний дворик или на крыльцо – воздухом подышать. Я не знаю, как я себя буду чувствовать, если вы начнете брать детей куда-то – в этот большой инфицированный мир.

– Вера Павловна, но мы же с Клавдием сегодня тоже шлялись весь день, – заметил Макар. – Были, по-вашему, черт

знает где, мало ли с кем общались. Может, с больными «коронай»? Мы же тоже для вас – потенциальный источник заражения. Угроза вам.

– Вы, Макар, болели «коронай». Вы сейчас безопасны. А ваш друг?.. – Старуха-гувернантка глянула сквозь очки на притихшего Мамонтова, как на своего ученика. – Ну, должен же быть какой-то риск в жизни. Жизнь не сделаешь стерильной. Ваш друг нужен вам здесь и сейчас. И я это только приветствую. Но запомните правило нашего... то есть вашего дома – явились с улицы, сразу первым делом идете мыть руки.

– Психи, все они психи, – шепнул Макар Мамонтову, когда, поужинав, они перекочевали опять в «берлогу». – Клава, нам надо срочно выпить. И забыть весь этот ковидный бред.

– Не стану я пить. И тебе не дам. Ты мне слово дал. Пока работаем вместе.

– Слово? – Макар спохватился. – Когда это я давал тебе слово быть трезвенником?

– Вот – на ночь вам занятие. – В дверях появилась горничная Маша с Сашенькой на руках. – Теперь вы о нем пекитесь. Он мокрый уже. Памперсы ему сами поменяете. Я с ног валюсь. Посуду уберу на кухне – и на боковую. Девочек Вера Павловна уже уложила. Ступайте, спокойной ночи им пожелайте.

Она передала младенца Макару.

– Саш, чего так смотришь? Чего насупился? – Макар

неловко держал сына. – Клавдий... Клава... это, поддержи его, а? Я к дочкам – три минуты. Спокойной ночи им скажу.

Младенец перекочевал на руки Мамонтова. И заскрипел довольно. Явно предпочитая его своему родному непутевому отцу.

Макар убежал в детскую. Клавдий с ребенком на руках прошелся по комнате. Остановился перед рыцарем. Он бережно держал крохотное тельце, ребенок льнул к нему. Смотрел голубыми фарфоровыми глазками. И неожиданно улыбнулся беззубым ртом.

Клавдий Мамонтов сам расплылся в улыбке.

– Крутой ты, Сашхен. А это знаешь что? Это папа твой на-девает – ну, дури-то много. А силы еще больше. В Англии он такому научился. А тут не Англия, тут Москва. Ты в Москве родился. Москвич коренной, как и я. А не англичанин.

Ребенок тянулся ручками к шлему рыцаря.

– Мандалорец, – на пороге «берлоги» возник Макар. – Красотки мои заснули уже. А ты, Клава, точно мандалорец! Похож. Таков путь, да? – Он подошел к рыцарю, снял шлем, водрузил на себя и поднял забрало. – Саша, давай к папе на ручки... Тебя переодеть надо. Я памперсы захватил.

Он положил сына на кожаный диван рядом с раскрытой книгой на английском о лорде Веллингтоне, снял свой рыцарский шлем. Распеленал одеяльце. Ребенок сучил ножками в ползунках. Макар неловко возился с липучками. Отстегнул, стащил ползунки, начал расстегивать липучку паме-

персов и...

– Он не только мокрый, он обгадился. – Макар отшатнулся. – Сашка... ну, ты даешь... Фу...

– Я думал, они в таком возрасте не пахнут. – Клавдий Мамонтов едва нос себе не зажал. – Одно же молоко пьет!

– Смеси. – Макар осторожно тянул памперсы, полные «гостинцев». – Кинь мне что-нибудь... у меня там полотенце в ванной... надо памперсы завернуть... вот отстой...

Вдвоем они кое-как поменяли малышу памперсы.

– Чокнуться можно, – признался Макар. – И все время так теперь будет? Да в сто раз лучше с твоим полковником день и ночь пахать, убийцу ловить, чем такая каторга.

– У тебя две дочки, и ты ничему за это время не научился?

– Они с няньками росли с младенчества. Я и не вникал ни во что.

– Да, по клубам ночным в Сохо тусовался.

Чистый перепеленутый Александр-Сашенька одобрительно скрипел.

– Ну все, пошли на боковую. Спать будешь с папой. Папа у тебя кремень. И защитит, и позаботится, и грудью накормит. – Макар наклонился к сыну. – И не слушай никого. Я по клубам таскался до тридцати лет. А потом завязал. Надоело мне это дело.

Разошлись по спальням. Клавдий Мамонтов выбрал себе гостевую комнату, примыкающую к спальне Макара.

В три часа ночи его разбудил какой-то звук. Что-то упало

за стеной.

Он вскочил. Как был в одних боксерах. Подумал – вещи надо какие-то из Бронниц с дачи сюда привезти, в чем дома ходить. Не в костюме же. И рубашки нужны чистые... обувь...

Ринулся в спальню Макара. Тот тоже в одних трусах сидел на кровати. Держал сына на руках.

На полу валялась одна из бутылочек со смесью.

– Мы тебя разбудили, Клава? А мы вот не спим. Ни в одном глазу у нас сна. Все сказки уже ему рассказал. По второму кругу пошел. Досказываю про сэра Персиваля из романа фон Эшенбаха.

– Давай мне его, я с ним посижу, – сказал Клавдий. – А ты теперь поспи. Нам работать завтра.

Он забрал ребенка на руки. Тот опять благодушно заскрипел. Макар бухнулся навзничь на кровать.

– Мандалорцы, блин...

Мамонтов с ребенком вернулся к себе.

– Про царевну сказку хочешь? – спросил он младенца. – Разрушительницу сердец. Которая отвергла всех своих женихов... А женихи – такие кретины были, сначала едва не убили друг друга, однако потом...

Он плел еще что-то в таком духе. Младенец слушал внимательно. Он, казалось, одобрял и поддерживал весь этот новый бред... любовный бред... *О ней...*

В четыре утра Клавдий Мамонтов прилег, положив ребен-

ка рядом с собой. Они оба уснули – на какое-то время.

Их обоих разбудил звонок по мобильному.

Шесть часов утра.

Полковник Гуцин.

– Заезжай за мной прямо сейчас, Клавдий.

– Что случилось?

– У нас новый труп.

– Где? Там же?

– Нет, на железной дороге. В заброшенном тупике старых путей. На него случайно ремонтники наткнулись.

Они с Макаром собирались как на пожар. Разбуженная Маша забрала Сашеньку. Дверь за ними закрывала Вера Павловна, ее тоже подняли с постели.

– Еще одно убийство? – тихо спросил Макар.

– Это дело дрянь, – тоже тихо ответил Клавдий Мамонтов. – Я как ее на сосне увидел вчера, сразу понял – мы все еще с этим делом хлебнем.

Глава 12

Тупик

Макара вырвало прямо на железнодорожных путях, когда они увидели *это*.

– Какова примерная давность смерти? – спросил полковник Гущин, глядя из-под своего защитного козырька и маски на патологоанатома, который на этот раз тоже помимо рабочего защитного костюма надел пластиковую маску. Патологоанатом был тот же самый – полковник Гущин вызвал его лично, объяснив: «вы с подобным уже сталкивались».

Однако «подобное», на взгляд Клавдия Мамонтова, которого тоже тошнило, выглядело совершенно иным!

– Около четырех-пяти дней, судя по следам разложения, – ответил патологоанатом, наклоняясь над телом, вернее, тем, что от него осталось.

В воздухе витал тяжелый трупный смрад.

Когда собирались на станцию Сортировочная, все представлялось не таким ужасным. (Знали бы они!) В гараже особняка Макара открыл свой новехонький навороченный внедорожник «БМВ», на фоне которого старый потрепанный «Гелендваген» Мамонтова смотрелся как бедный родственник.

– Я поведу, ты полночи не спал.

– Ты тоже не спал. – Клавдий Мамонтов после дежурства при младенце и правда чувствовал себя выжатым как лимон.

– Я спал всю вторую половину ночи. – Макар достал ключи. – А ты моего сорванца караулил, поэтому я сегодня сяду за руль и прокачу вас с полковником. А ты отдыхай пока.

Забрали полковника Гущина из дома и по его указанию двинули в сторону Павелецкой железной дороги. Проехали Расторгуево. Полковник Гущин разговаривал по мобильному с представителями транспортной полиции. Дело формально относилось к их территориальности. Гущин коротко объяснил: узнал о происшествии из общей министерской сводки, ему дежурный позвонил рано утром, сразу, как прошла информация об обнаружении трупа на железной дороге. Полковник Гущин приказал дежурной части Главка отслеживать все возможные случаи убийств по целому списку признаков – если хоть один из них совпадет. Клавдий Мамонтов впоследствии прозвал список «хэштэгом» и для себя отметил, что полковник Гущин с самого начала ждет от этого дела непредвиденных и страшных сюрпризов.

Сейчас возле останков находились лишь Гущин, патологоанатом, два криминалиста из транспортной полиции, Клавдий Мамонтов. Макар тоже присутствовал, но стоял, согнувшись, поодаль. Его все выворачивало наизнанку. Всех остальных – своих оперативников и сотрудников транспортной полиции – Гущин попросил отойти назад, на приличное расстояние. Делал он это, как подозревал Мамонтов, не по-

тому, что они могли что-то затоптать на месте убийства, просто сам не желал находиться в близком контакте с окружающими. Ему и опергруппа уже казалась «толпой», в которой легко заразиться.

Психоз... психоз полковника крепчал.

– Мужчина. Полный. Славянской внешности, – перечислял патологоанатом. – Возраст примерно 55–58 лет. Рубленые раны на теле. У него отрублены обе ноги – правая по щиколотку, левая по колено. Отрублена и правая рука – по локоть. Признаки гниения тела... насекомые... Личинки видите в тканях ран? Обильно размножились.

– Вижу, – хрипло ответил Гуцин. – А такие повреждения не могут быть механической травмой в ходе наезда на него локомотива? Это железная дорога все же.

Клавдий Мамонтов оглядел место. Железная дорога – да. Но они в стороне от товарных путей. Это глухой тупик. Старые ржавые рельсы, заросшие травой. К ним подходят под углом примерно в тридцать градусов рельсы новые – по ним в этот удаленный от станции тупик отгоняют вагоны. Новые рельсы как бы делят старый заброшенный путь на две части. Получается этакий...

– Три пути сходятся в один. – Макар наконец-то разогнулся, вытер рот тыльной стороной ладони и указал на рельсы. – Клавдий, ты что, не видишь? Или там тебе на путях это не заметно? А отсюда сразу в глаза бросается. Три пути. Тройной перекресток.

Клавдий Мамонтов глянул – ну, можно и так сказать, хотя аллегория не совсем точная.

– Это никак не может быть механической травмой в ходе железнодорожной аварии, Федор Матвеевич, – ответил судмедэксперт. – Возможно, кто-то и хотел выдать все это за аварию на железной дороге. Но подобные повреждения тела не могли быть причинены колесами поезда. Это рубленые раны, понимаете? Их наносили топором. Большая сила ударов. Здесь прямо по туловищу, видите...

Клавдий Мамонтов глянул туда, куда старался не смотреть – на вздутое тело, сильно тронутое разложением, без ног, без руки. А кроме этого чудовищные раны живота и грудной клетки.

– Его рубили, точно мясную тушу, – сказал патологоанатом. – И это произошло не здесь, не на путях. Где-то в другом месте. Судя по состоянию ран, они все прижизненные. Он был жив, когда его вот так чудовищно...

– Четвертовали? – спросил полковник Гуцин.

– Выглядит похоже. Смотрите на его левом запястье. – Патологоанатом рукой в перчатке коснулся руки убитого, растер что-то в пальцах. – Следы клейкой ленты. Возможно, он был связан по рукам и ногам. Потом скотч убрали. Одежда, что на нем... темные брюки, голубая рубашка... Остатки галстука – часть его отсутствует. Отрублена, когда убийца наносил раны топором по корпусу.

– Викинги так орудовали секирой, – сообщил громко Ма-

кар. – Прием был боевой у них – сначала противнику отрубали руку, в которой он держал щит. Затем наносили удар по колену. Сваливали его с ног. Потом уже лежачему могли отрубить и вторую ногу. А в конце били секирой по туловищу наискось – удар Тора. Перерубали пополам.

– Потерпевшего пополам не перерубили. Правда, две раны очень глубокие, задел позвоночник. Одна из ран и стала причиной его смерти, – констатировал эксперт. – При таких ранах кровь льется рекой. Но на рельсах следов крови нет. Я думаю, мы не найдем этого и в образцах почвы.

– То есть четвертовали в другом месте, а привезли уже обрубок и бросили здесь, выдав за инцидент на путях? – уточнил Гущин.

– Не бросили. Аккуратно положили на спину. И я бы все же не сказал, что кто-то хотел что-то инсценировать. Это нечто иное. Из другой оперы.

Гущин огляделся – за тупиком пустырь, заросший травой. Его осматривала сейчас транспортная полиция. На удалении у вагонов группа полицейских опрашивала свидетелей – тех, кто обнаружил тело. Рабочих железной дороги в оранжевых жилетах. Над вагонами кружила стая черных птиц – галки или вороны. На станции Сортировочная через динамики переговаривались диспетчеры.

– Пять дней тело никто не находил, – сказал Гущин. – На железной дороге такое возможно?

– Тихое место, – ответил патологоанатом. – Как и то... в

лесу.

Они глянули друг на друга. Патологоанатом вместе с экспертами остался у трупа. А полковник Гущин зашагал к полицейским и работягам в жилетах. Мамонтов и Макар за ним.

– Откуда про викингов знаешь? Про их боевые приемы? – коротко спросил Гущин Макара.

– Я в исторической реконструкции в Англии участвовал. Книжки читал по боевым искусствам. Ну, и сам тоже практиковался в бойцовском клубе.

– И что, секирой вот так можешь?

– Мы покупали свиные и бараньи туши. И тренировались на них. – Макар оглянулся. – Я перерубал с первого удара. Человек, что орудовал топором, не обладает боевой техникой, но силы у него есть, или это ярость, боевой экстаз, иступление.

– Потерпевшего опознали, – объявил Гущину старший опергруппы транспортной полиции. – Он работал на станции.

– Свидетели опознали, которые на тело наткнулись? – уточнил Гущин, глядя на работяг.

– Нет, нет, что вы... это не мы... Мы сразу на станцию побежали. Сказали диспетчеру. – Работяги в жилетах переполошились. – А в станционном офисе был менеджер от «Лоджик», они и по ночам дежурят, когда груз срочный идет транзитом, мы стали им говорить, что на путях, какой ужас!

А он спрашивает: мужик в летах? А это не наш ли Громов? Он уже неделю, как на работу не выходит. И на связь тоже – не звонил. Может, он под поезд угодил? А мы и не знали! Он стал начальнику своему звонить – поднял его с постели. Они переговорили с ним. Потом менеджер с нами пошел туда, в отстойник. Он его и опознал.

– Да, у нас такие же сведения, – доложили Гущину транспортники-полицейские. – Потерпевший опознан как Илья Ильич Громов, сотрудник транспортной фирмы «Лоджик» – перевозка грузов и логистика, у них офис прямо на станции. И там их торговая демонстрационная площадка – они до карантина дома готовые продавали из бруса. Илья Громов занимал должность заместителя директора фирмы. А директором у них Петр Смоловский.

– А как зовут менеджера?

– Хохлов Павел.

– Я сам с ним переговорю.

Старший группы транспортников позвонил по мобильному.

– Он с нашими сотрудниками в офисе на станции. Они его показания записывают в протокол. Там и Смоловский уже приехал, их директор, и еще один – то ли знакомый, то ли клиент их. Его фамилия Сперминов.

– Мы сейчас подъедем к офису на станцию. – Гущин кивнул Макару, как главному «водителе», и молчаливому Клавдию Мамонтову. – Я хотел вас еще вот о чем спросить. –

Он опять повернулся к старшему опергруппы. – Вы ничего странного при осмотре прилегающей территории не находили?

– Странного? Нет. Следы транспортного средства. Судя по всему, внедорожника – на поле в одном месте, где почва глинистая. – Полицейский кивнул в сторону пустыря. – Мы все зафиксировали как полагается. А вы что же – дело у нас это хотите забрать под свою юрисдикцию?

– Возможно, – заявил полковник Гушин. – А останков какого-то животного вы поблизости не видели?

– Животного? – полицейский поднял брови. – Надо же... А почему вы спросили?

– Так вы нашли что-то? Где?

– На путях. – Полицейский кивнул в сторону «новых рельсов», по которым в тупик гнали вагоны. – Метрах в двухстах. Какие-то клочки кровавые, шерсть. Поезд зверюшку переехал – кошку бродячую, кажется.

– Где? Покажите точно. – Гушин направился по рельсам. Все за ним. Полицейский-транспортник показывал.

Они прошли метров двести. На гравии между шпалами – клочки черной шерсти. И еще какая-то субстанция. Вроде кровь запеклась.

– Мы и значения не придали, – признался транспортник. – Это же железная дорога, здесь по три раза за день такое.

– Все тщательно собрать, подключите ваших экспертов. И на исследование. Я хочу знать – что это конкретно за живот-

ное. И как и когда оно погибло.

Они смотрели на эти – вторые останки. Не пойми кого.

Глава 13

Транспортная контора

– Идите в офис, попросите менеджера Хохлова и владельца фирмы Смоловского выйти сюда. Я здесь с ними поговорю, – произнес полковник Гуцин, когда они из железнодорожного тупика переехали на станцию Сортировочная к складам и офисам. Возле кирпичного здания без всяких вывесок на обширной площадке – потемневшие от дождей и непогоды разборные дачные дома из бруса – образцы на продажу. Все гнилое и непрезентабельное.

Клавдий Мамонтов и Макар зашли в офис – самый обычный. Но внутри все кипело и клокотало. Громкие мужские голоса доносились из кабинета.

– Да какая, к черту, авария, что, я аварий на железной дороге не видел?

В кабинете пятеро – двое в полицейской форме, сотрудники транспортного отдела. А кроме них грузный мужчина за пятьдесят в замшевом бомбере за столом – в медицинской маске. Мужчина помоложе в брюках и рубашке с короткими рукавами – тоже в медицинской маске. И третий – полный, рыхлый бородач в дорогом синем костюме – без маски, на толстых обвисших щеках багровые пятна.

– Ты что этим хочешь сказать, Хохлов, а? Ты что, спятил?

Это произнес бородатый толстяк в костюме. И обернулся на фразу Мамонтова – «Полиция. Свидетелей прошу покинуть офис. У нас к вам долгий разговор».

– Вы наш офис обыскивать будете? – хмуро спросил грузный мужчина в маске.

– Возможно. – Клавдий Мамонтов окинул взглядом кабинет – самая обычная транспортная контора.

На столе рядом с компьютером и принтером он увидел маленькую темную статуэтку. Единственное украшение кабинета, не считая аляповатого календаря на стене – розы и сирень.

Они все вышли на улицу. Мужчина в маске и тот, второй, помоложе спустились с крыльца и подошли к полковнику Гушину. Бородач остался на крыльце, достал из кармана «гавану», откусил кончик и затянулся дымом. Клавдий Мамонтов заметил, что Макар смотрит на бородача. Тот прищурился и... вдруг кивнул ему, словно знакомому. И удивленно поднял брови. Макар не поприветствовал его в ответ.

Полковник Гушин снова повторил ритуал «представления» и попросил собеседников тоже назвать себя. Мужик в маске и замшевом бомбере представился Петром Смоловским – владельцем компании «Лоджик». И сам сообщил фамилию и имя своего менеджера, типа в рубашке с короткими рукавами – Хохлов Павел. Тот суетливо кивнул полицейским и с облегчением сдвинул маску на подбородок.

– Вы опознали в человеке, найденном нами на заброшен-

ных путях, сотрудника вашей фирма Илью Громова? – спросил полковник Гушин.

– Да, да, это он, – закивал Хохлов. – Как рабочие в диспетчерскую прибежали, как сообщили нам с диспетчером, я сразу подумал – а вдруг это Илья? Меня как в сердце что-то толкнуло. Предчувствие. И я пошел с ними туда. Я его увидел. Да, это он.

– Вы в тот момент посчитали, что он стал жертвой наезда поезда?

– Я так предположил сначала. Но потом, когда я увидел его... этот ужас... я не знаю. – Хохлов страдальчески сморщился. – Мне чуть плохо не стало на путях.

– А вы ходили в тупик? Смотрели на тело? – спросил Гушин Смоловского.

– Нет. Мне Павел в шестом часу утра позвонил. Сказал – так и так. Я не знал, что думать. Я сразу приехал сюда, и Павел мне описал все в деталях... Я позвонил в полицию, приехали ваши сотрудники. Сам я в отстойник для вагонов не ходил.

Голос у Смоловского был сиплый. Он говорил с паузами. Его мучила одышка. Свою медицинскую маску он так и не снял.

– А ваша как фамилия, имя? – громко спросил Клавдий Мамонтов бородача, что наблюдал за ними с крыльца, куря «гавану».

– Это Василий Сперминов собственной персоной, – заме-

тил Макар. – Ба! Какие люди. И в таком месте.

– Да, моя фамилия Сперминов, – важно ответил толстяк. Со своей бородой и прямым пробором в жидких кудрявых волосах он напоминал «купчика» с полотен Кустодиева. Однако носил моднейший синий костюм и стильный галстук. – Я клиент транспортной фирмы. Я приехал сюда так рано по делам – мы ждем груз по железной дороге. Он должен прибыть вот-вот.

– Мы – это кто? – осведомился Макар. – «Царьградский городской» или «Трехглавый» этот, как его, черта... или «Славянский союз»?

Полковник Гуцин поднял руку – тихо. Вопросы здесь задаю я. А Клавдий Мамонтов ничего из слов Макара не понял. Уразумел лишь, что Макар может об этом Сперминове-купчике порассказать немало.

– Нам известно, что ваш сотрудник Илья Громов пропал несколько дней назад, и вы не знали, где он и что с ним. – Гуцин снова обращался к Сморовскому.

– Совершенно верно. Он не вышел на работу шесть дней назад. А перед этим получил здесь у меня, точнее у бухгалтера, жалованье за два месяца. Мы вынуждены были задерживать зарплату во время карантина, потому что были закрыты. Когда он не вышел на работу, я подумал: ну, мало ли... может, выпил сверх меры... Я попросил Павла Хохлова ему позвонить. Телефон Громова не отвечал. Мы решили – может, уехал? Домой в Челябинск? Хотя там у них карантин

продолжается, но мало ли?

– Громов не здешний? Из Челябинска?

– Там его родители – старики. У него прежде была собственная логистическая фирма. И он долгое время был нашим партнером по бизнесу, держал весь Урал, – объяснял Петр Смоловский, борясь с одышкой. – Но затем он свой бизнес потерял, обанкротился. Перебрался в Подмосковье. Купил частный дом в Расторгуеве. Так как мы в нашей фирме его хорошо знали по прежней работе, я предложил ему должность старшего менеджера. И он согласился. Работал очень добросовестно. Никаких нареканий – все эти три года. Я повысил его до заместителя директора фирмы.

– Это он? – Полковник Гуцин показал ему мобильный.

Снимки. Оказывается, он сфотографировал останки на путях. Когда успел? Клавдий Мамонтов не помнил, чтобы Гуцин что-то там фотографировал. Или он сам был так потрясен жутким зрелищем, что даже не обратил внимания?

– Ох... да... Это Илья... но... чудовищно... Но это он, Илья Громов. – Смоловский потрясенно созерцал снимки, которые «листал» для него Гуцин.

Мамонтов понял – после сокрушительного прокола с опознанием женщины, повешенной на сосне, полковник Гуцин пытается сам подстраховаться.

– У вас есть его фотография в отделе кадров? – спросил он Смоловского.

– Есть, в компьютере файлы. Мы вам отдадим все его до-

кументы, которые у нас.

– Какой его домашний адрес?

Адрес продиктовал ему менеджер Павел Хохлов.

– Вы бывали у него дома? – спросил Гушин.

– Пару раз заезжал. Перед Новым годом – мы на одной машине с корпоратива фирмы ехали. И до этого – из сауны.

– Он жил в Расторгуеве один?

– Один. У него его бывшая в Челябинске, он упоминал вскользь. Бросила его сразу, как он бизнес потерял. Местная охотница за богатыми мужьями. Кажется, моложе была его лет на пятнадцать.

– Почему вы не стали обращаться в полицию, ведь Громов отсутствовал столько дней и не выходил на связь? – спросил Гушин сухо.

– Сначала мы решили – он загулял, раз деньги получил немалые. А потом... что полиция? – Смолковский пожал плечами. – Вдруг он заболел «коронай». И самоизолировался. А признаться не хочет. Сейчас многие не хотят это афишировать. Скрывают из-за социального мониторинга. Я думал, может, объявится, как тесты сдаст, если заболел – позвонит, сам скажет. Сейчас вообще все не так, как прежде. Люди в себе замыкаются. – Он в упор глянул на Гушина в его козырьке, маске и перчатках. – Вы вот болели, как я вижу. И тяжело.

– Да, вы правы.

– И я переболел. Я таких, как мы с вами, сразу вижу. И

маску можно не снимать – глаза все сами наши говорят. В глазах это, внутри. – Смоловский закашлял. – Вы где лежали?

– В мобильном госпитале, который на ВДНХ. В павильоне.

– А я в том, что на ЭКСПО был развернут. Раньше, в старые времена, все это называлось чумные или холерные бараки. А теперь красиво – мобильный госпиталь.

Клавдий Мамонтов подумал: какой странный разговор! Беседуют свидетель и шеф полиции. Но о чем они говорят? Не о деле, не о деталях убийства. А о том, как они болели! И понимают, кажется, друг друга с полуслова!

– У Громова имелись в Москве знакомые? – спросил Гущин.

– Конечно. И немало. Он же деловой человек. Бизнесмен был. Жаль, что погорел. Но это уж как судьба. – Смоловский снова закашлял – сильно и схватился за грудь. – Извините... я... это ничего... я не заразный... это остаточное у меня. Легкие ни к черту... Извините, я должен вернуться в офис. У меня там лекарство... микстура от кашля.

– Конечно идите, – сказал ему полковник Гущин.

У бородача Сперминова зазвонил мобильный.

– Слушаю? Прибывает? Какой путь? Сейчас я туда поеду. Там два вагона, оба plombированы. Я сам пломбы проверю. – Он сбежал с крыльца.

– Мы с вами тоже должны побеседовать, – объявил ему

полковник Гущин. – Куда вы?

– Срочный груз прибывает. Товарняк. – Бородач быстро семеня к дорогому внедорожнику возле избушки из бруса. – Надо вам со мной говорить – приезжайте сами на шестой путь. Я у вагонов буду. К вашему сведению, я этого Громова в глаза здесь с начала карантина не видел.

Он сел в машину и укатил. Гущин ему не препятствовал. Смолковский, заходясь кашлем, скрылся в конторе. Они остались с менеджером Хохловым.

– Нездоров ваш шеф, – заметил Гущин.

– У него почти легких не осталось после того, как переболел. – Хохлов вздохнул. – У нас тут все болели. Я тоже. Но так, как он – слава богу, никто. Он же почти умирал, сказал – его чудо спасло. А на работу сейчас приезжает регулярно. А куда денешься? Фирму надо хоть как-то держать на плаву. Бизнес. Мы все от него зависим. У нас семьи. Громов это говорил ему – мол, держись, не то станешь, как я, банкротом.

– У Громова были хорошие отношения с сотрудниками фирмы?

– Прекрасные. Он умный мужик, деловой. – Хохлов снова вздохнул. – Что же это такое? Кто это сделал с ним?

– По-вашему, он не попадал под поезд?

– Какой поезд? Я двадцать лет на железной дороге. Всякое видел. Когда авария – сразу такой хайп. Это же наезд! Там же видно все – и на колесах тоже остаются следы. И потом, это тупик – какой может быть локомотив, когда туда товар-

няк задом толкают – вагонами вперед. Да и не отгоняли туда никаких составов за эти дни. Я у диспетчера спросил – сами с ним поговорите. Нет, это все что угодно, но только не железнодорожная авария.

– Вы когда последний раз Громова видели? – спросил Гушин.

– Когда деньги у бухгалтера вместе получали. Задолженность по зарплате.

– В какой точно день?

– Пятница, вечер. Мы задерживаемся здесь допоздна. И по выходным тоже сейчас пашем. Иногда круглосуточно.

– Он домой поехал с работы?

– Не знаю. Наверное. Сейчас по барам и ресторанам народ мало ходит.

– Женщина у него есть?

– Любовница? – Хохлов прищурился. – Были какие-то. Раньше время от времени. Но карантин он дома один проводил – это я точно знаю. Мы в «зуме» постоянно общались – дома этого не скроешь. Да у него и денег сейчас нет, чтобы телок содержать. И возраст у него солидный – не до глупостей уже.

– Кто мог ему желать зла?

– Из наших точно никто. Он был нормальный простой мужик. Хороший сотрудник. Я не сплетник, однако...

– Что?

– Вы присмотритесь к этому дележке повнимательнее. –

Хохлов понизил голос. – Который отсюда так быстро слинял. А до этого вдруг заявился – да, груз, конечно, пришел для них сегодня, но он и послать кого-то мог из своих пломбы проверить. Нет, он сам заявился, как только от Сморовского узнал, что тело Громова нашли.

– Вы имеете в виду Сперминова? – спросил Гушин. – Они с Грозовым конфликтовали?

– Весь бизнес Громова накрылся медным тазом из-за Сперминова. Тот его деньгами ссужал сначала, а затем вовлек в какие-то финты на бирже. Громов потерял все. Из хозяина фирмы, из босса в наемного служащего превратился. И это в его возрасте! Я думаю, что он Сперминова ненавидел. Мало ли что могло между ними произойти на этой почве, а?

Глава 14

Психоз № 8. Кощей

– И кто этот Сперминов? – спросил Клавдий Мамонтов Макара, когда тот по просьбе Гущина вез их на шестой путь к прибывшим опломбированным вагонам.

– Банкир. Подвизается в разных организациях типа «Византийского собора» и «Славянского союза». Учился и кормился в Штатах, но сейчас всеми силами пытается доказать, что от западника до славянофила, как от великого до смешного – один шаг. – Макар рулил. – Под санкциями сидит который год, как и мой отец, когда был жив. То есть истинный патриот земли Русской. Из-за санкций зол на весь мир. Как Кощей.

«Кощея» они узрели в компании двух железнодорожников в форме – с документами, в масках и перчатках, они терпеливо внимали капризной речи требовательного клиента, придирчиво проверявшего пломбы на товарных вагонах.

– Ленина опять везете – оттуда сюда? – осведомился Макар, когда они вышли из машины и подошли к Сперминову. – Или кого-то из Романовых на царство венчать тайком?

– Вас как по имени-отчеству? – вежливо спросил полковник Гущин, игнорируя дерзости Макара.

– Василий Мефодьевич. Но я не понимаю, какие могут

быть у полиции ко мне вопросы? Знаете, кто я такой и кому я могу позвонить прямо сейчас? – Сперминов достал мобильный, выпячивая бороду вперед.

– И кому ты можешь позвонить, интересно, Вася? – Макар лущился любопытством. – Это как в пьесе «Самоубийца» – але, Кремль!

Работяги-железнодорожники угрюмо наблюдали за этой перепалкой. Василий Сперминов властным жестом указал им – проваливайте, нечего слушать такие разговоры.

– Я хорошо знал твоего отца, Макар. – Василий надвинулся на оппонента. – Достойный был человек и нам порой помогал с финансированием. Не скупился на жертвования. Это из-за тебя он погорел на службе. Это ты виноват, что его вышибли с должности пинком под зад.

– Моего отца отравили. Знаешь, у нас к эпидемии «короны» прибавилась сейчас и пандемия отравлений.

– Я слышал, что это была крайне запутанная история с ядами. – Василий Сперминов ухмыльнулся Макару в лицо. – Говорят, у твоего папы был нелегкий конец. И жена твоя по приговору суда получила за свои ядовитые шалости...

Макар схватил его за лацканы пиджака.

– Тихо, тихо! Макар! – от властного окрика полковника Гущина они все вздрогнули.

Гущин не бросился их разнимать, не прикоснулся, но его хриплый голос прозвучал, как иерихонская труба. И они подчинились. Макар отпустил противника.

– Что вам от меня нужно? – зло спросил Василий Сперминов.

– Проясните ваши отношения с Ильей Громовым. Когда вы с ним встречались в последний раз? – спросил Гущин.

– Еще до карантина. Зимой.

– Узнав от Смолковского о том, что найден труп Громова, вы в такой ранний час явились на станцию.

– Я вам уже объяснил – у нас срочный груз прибыл. Я должен был лично проверить пломбы, прежде чем груз двинется дальше до пункта назначения.

– А что в этих вагонах?

– Не ваше дело.

– Мы их сейчас вскроем, – просто ответил полковник Гущин – и тоже достал мобильный. – Звоню начальнику транспортно-управления. И снимаю пломбы.

– Да вы что? Да вы знаете... Не смейте! Это гуманитарная помощь, закупленная на пожертвования членов нашего союза. Не смейте трогать пломбы! – Василий Сперминов растопырился, как Жихарка у печки, прикрывая грудью пломбу на вагоне. – Только не это! Ну, я прошу вас... по-человечески... это секретная миссия, понимаете? На благо нашего Отечества.

– Вскроем, а там гаубица, да? Или «БУК», – засмеялся Макар. – А потом доказывай, Вася, в больших кабинетах, что ты оружием не торгуешь?

– Тогда всю правду о ваших отношениях с погибшим Гро-

мовым выкладываете, – сказал полковник Гущин. – Я слышал – у вас с ним был финансовый конфликт. Он потерял свой бизнес из-за вас.

– Не из-за меня. А из-за своей глупости и жадности, – вспылал Василий Сперминов. – При чем тут я? Эта финансовая пирамида и по моим доходам ударила.

– Но Громов, судя по всему, имел претензии к вам. И, возможно, желал с вами разобраться.

– Да это было три года назад, когда он бизнес потерял! Тогда бы и разобрался, – воскликнул Василий Сперминов. – Повторяю – мы виделись с Ильей давно – в феврале. Не скрою, у него был на меня зуб. Но я не имею никакого отношения к его смерти. А что, его убили или он под поезд попал? Или его туда толкнули?

– Что за человек был Илья Громов? – задал очередной вопрос полковник Гущин.

– Обычный. Простой. Недалекий. Я его в наше патриотическое движение хотел вовлечь. Он меня послал. Дурак. Сам же и поплатился.

– Поплатился?

– Верил бы в бога, ходил бы в церковь – бог бы его в любом несчастье уберег. Я ему это внушал, когда он на меня пер, деньги свои назад требовал. Но это же криптовалюта, майнинг. – Василий Сперминов тонко усмехнулся. – Это все тоже в руках божьих. Но повторяю – мы давно с ним не виделись. И я понятия не имею – что у него было здесь с этими

двумя – Смоловским и Хохловым.

– А что они за люди?

– Смоловский сейчас заиклился вконец на своем здоровье. Его больше ничего вообще не интересует. С ним трудно стало. А прежде был ничего. Он дельный бизнесмен. А второй этот... Хохлов. Настоящий подонок – я вам прямо скажу.

– Почему?

– Все и всех критикует. Вы к нему присмотритесь повнимательней. Возьмите мои слова на заметку.

Глава 15

По следам на воде

Со станции, оставив патологоанатома и экспертов-криминалистов заканчивать осмотр места происшествия, а сотрудников транспортной полиции продолжать опросы железнодорожников, полковник Гуцин решил ехать в Расторгуево – по адресу Громова, взятого в офисе его фирмы.

– Оказывается, ты и правда в сложной семейной ситуации, как мне и сообщил твой *московский кузен*, – произнес в машине Гуцин, кивая на притихшего Мамонтова. – То-то я смотрю – фамилия вроде мне знакома: Псалтырников. А это твой отец, оказывается.

– Судился со всеми изданиями и с известным оппозиционером, подавал иски о «забвении в интернете», чтобы фамилию нашу не полоскали. – Макар вздохнул. – Умер. И теперь всеми и так забыт.

– В Бронницах дело было об отравлении, Федор Матвеевич, – пояснил Клавдий Мамонтов. – Меня начальник попросил помочь негласно разобраться насчет обстановки в доме и отравителя. Вы тогда отстранены были от работы из-за захвата заложника, мимо вас это все прошло. А мы... мы с ней там в Бронницах работали. Напарниками.

– *С ней?* – спросил Гуцин.

– Да, с ней. Она и я. И результат был от нашей работы.

Макар очень внимательно слушал этот лаконичный диалог.

– Они нашли настоящего отравителя моего отца, – объявил он. – Так я *с ней* там и познакомился.

Пауза.

И что-то она затянулась.

На окраине Расторгуева их ждали две патрульные машины с сотрудниками местного УВД, которым полковник Гущин позвонил со станции. Гущин огляделся – частный сектор. Дом Ильи Громова – двухэтажный кирпичный, не новый, но добротный, за высоченным забором. Ворота – въездные и гаражные.

– С пульта открываются, – сообщили Гущину оперативники. – Но закрыты. Мы здесь все снаружи осмотрели. Ворота въездные тоже закрыты. Замок механический у них.

– Похоже, он в дом свой не входил в тот вечер, если, как мы предполагаем, он пропал или был похищен убийцей именно в пятницу. – Гущин осматривал забор и ворота. – Но давайте все же вскроем, пройдем на участок.

Оперативники вскрыли ворота. На участке – аккуратные грядки. Дом закрыт, окна зашторены.

– Садовод-огородник был этот Громов. – Гущин ходил вдоль грядок. – Ухожено все. Инвентарь новый. Давайте посмотрим, что там в доме.

Оперативники вскрыли в присутствии понятых дверь до-

ма.

– Я внутрь не пойду, – объявил полковник Гущин. – Клавдий, вы вдвоем идите. Я звоню тебе сейчас на видеозвонок Вотсап, и ты мне все показываешь внутри. Как мы и договаривались.

Он позвонил Мамонтову на мобильный по видеозвонку. Клавдий Мамонтов, держа в вытянутой руке телефон, и Макар вместе с оперативниками зашли внутрь дома. Оперативники молча качали головой – ну и дела с полковником...

– Не касайтесь там ничего. Вы без перчаток, – напутствовал Гущин Мамонтова и Макара. – Просто покажите мне обстановку.

Оперативники начали детальный осмотр и обыск дома потерпевшего. Мамонтов и Макар бродили из одного помещения в другое – кухня, прихожая, большая комната, где диван и телевизор, ванная с бойлером, чулан. Поднялись наверх – спальня хозяина и еще две комнаты – обе пустые, в них затеян ремонт – покраска стен и потолка.

– Жил один, бобылем, – констатировал полковник Гущин из своего «далека». – И гостей не принимал. В пятницу получил крупную сумму денег – задолженность по зарплате. До этого имел финансовые конфликты, потерял бизнес. Но, судя по обстановке в доме, средства все же имел, не побирался. Денег при нем не нашли, ключей от дома тоже. Однако в дом проникновений нет. Его машина... он же на ней ездил на работу... Машины нет. Мобильного телефона тоже, как и

ключей от машины. Сам обнаружен на рельсах недалеко от места своей работы, причем на первый взгляд это вроде как инсценировка железнодорожной аварии.

– Но, Федор Матвеевич, вы же сами... – перебил его Мамонтов, он старался показать полковнику через камеру мобильного самый лучший обзор.

– Тихо, тихо. – Гущин, оставшийся в одиночестве у дома, сдвинул маску на подбородок, а нелепый свой козырек – на лоб. – Да, это не инсценировка. Однако все дело в деталях выглядит так, словно его похитили – забрали деньги и еще чего-то от него добивались, пытали его зверски... Может, чтобы с долгами расплатился или что-то отдал из имущества. Ну, если бы у нас была обычная ситуация, могли бы эту версию выдвинуть. Но у нас ситуация другая. И поэтому – все это не так. Не так, как на первый взгляд. А что в сухом остатке? Его, возможно, похитили от дома вечером в пятницу. Где-то держали, пытали, убили и потом привезли на место его работы и уложили тело на рельсы в тупике, который так сразу не найдешь, потому что известен он лишь железнодорожникам. И очень напоминает по своему виду...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.